

Игорь Костюченко

Парфянская стрела

Роман

Игорь Костюченко

Парфянская стрела. Роман

«Издательские решения»

Костюченко И. Л.

Парфянская стрела. Роман / И. Л. Костюченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852474-5

Начало Великой Отечественной войны, лето 1941 года. Выполняя приказ Л.П.Берии, майор госбезопасности Петр Волохов пытается найти часть золотого запаса Испанской республики, пропавшую во время эвакуации из Барселоны в 1937 году. Волохов не предполагает, что судьба приготовила ему ловушку, которая властно ломает его характер и убеждения.

ISBN 978-5-44-852474-5

© Костюченко И. Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	22
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Глава шестая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Парфянская стрела

Роман

Игорь Леонидович Костюченко

© Игорь Леонидович Костюченко, 2017

ISBN 978-5-4485-2474-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Ночной разговор

...Волк стоял под гребнем каменной гряды, наклонив вперед лобастую голову. В сумерках болотным огнём горели два немигающих глаза. Ветер гнал поземку прочь от матёрого. Может, потому он и не почуял приближения человека, азартно и опрометчиво выбежавшего к ельнику.

Выла метель в кронах ближнего леса, снег засыпал камни. Волк пружинил мощные, громадные лапы. Острые клыки обнажены, вздыблена шерсть на загривке.

Ружье за плечом: не скинуть, не взвести курка. Малейшее движение – безжалостный хищник нанесет точный и смертельный удар, полосую горло. Нет спасения. Жертва обречена.

Лязг металла. Где-то за грядой, позади, раздался хриплый зов. «Петруха-а-а! Ты где?»

Зверь дернулся всем телом, метнулся в сторону. Серебристая молния врезалась в стену ельника, обрушив снежную лавину с ветвей...

...Волохов вспомнил отца. Они шли по следу подранка. Кабана подстрелили из засады. Били из самопалов залпом, чтобы наверняка. Но подвели старые, дедовские ружья. Точность боя не та, что прежде. Раненый секач ушел в подлесок.

Отец был азартен. Он никогда не упустил того, что уже считал своим.

«Ничего, Петруха, – сказал он, – секач, считай, наш. Зверя перехитрить легко. Человека – куда труднее!»

Охота у Черного озера, затерянного в глухих псковских лесах, была их последним совместным промыслом. Через неделю после удачного дела отец повез продавать дичину на станцию. Обратный привёз домой немного мануфактуры, пшеница и тифозную вошь. Болезнь в считанные сутки свела отца в могилу. Тиф убивал в двадцатых многих, без разбора.

От стычки с матёрым запомнилось не только ощущение ужаса, подавляющей, неизбежной беды. Подсознание схватило и глубоко запрятало куда-то далеко, в недра души, предчувствие будущих испытаний.

Волохов привык доверять чувству, рожденному инстинктом самосохранения. Мозг подавал сигналы: в груди появлялся неприятный холодок, у виска напрягалась тонкая синяя жилка. И так всегда. В Туркестане, где приходилось гоняться за бандами неуловимых басмачей, скрывавшихся в памирских отрогах. В Испании, где каждый день мог стать последним из-за пули, выпущенной из маузера местного анархиста или троцкиста. Жизнь приучала к опасности.

Вот и сейчас, получив приказ наркома немедленно явиться на загородную дачу, наскоро оборудованную под командный пункт, майор госбезопасности Петр Николаевич Волохов внезапно почувствовал знакомый холодок в груди. Понял: срочный вызов наркома добра не предвещал.

Без пяти минут до полуночи в кабинет вошли плечистые, неприметно одинаковые, как сказочные «двое из ларца», чекисты. Цепкие колючие взгляды, привычные движения людей, отлично умеющих стрелять на поражение. Посланцы управления охраны наркомата внутренних дел СССР.

Волохов не ждал их. До очередного сеанса связи с кенигсбергской группой оставалось полчаса. Он не спал трое суток. Без короткого отдыха легко свалиться от переутомления. Собираясь заснуть в кабинете на все драгоценные тридцать минут, наскоро примостившись на служебном диване. Да где там!

«Ничего, в дороге поспим», – решил Волохов. И ошибся.

Прихватив со стола портфель с секретными документами, Волохов шагнул рядом с провожатыми. Вскоре увидел: чекисты вели его не к обычной эмке, а к бронированному «паккарду»

с кремлевскими номерами. Это был личный автомобиль Лаврентия Павловича Берии, наркома внутренних дел СССР.

Прежде, вызывая Волохова с рапортом, Берия никогда не пользовался спецсвязью. Он предпочитал высылать в учреждение Петра Николаевича автомобиль из гаража наркомата. Машины всегда были разные, почему-то с номерами Госплана. За два года службы Петр Николаевич не мог припомнить случая, когда товарищ нарком высылал бы за ним свой личный транспорт. Да еще с кремлевскими номерами.

Значит, подумал Волохов, на этот раз нарком очень заинтересован его докладом. Видно, оперативная обстановка на прибалтийском направлении особенно тревожит партию. И требуется особенно детальный прогноз.

В Москву мчались стремительно. Визжали на крутых поворотах тормоза. Каким путем ехали – не определить. Салон отгорожен от водителя матовым стеклом. Окна «паккарда» плотно занавешены черными шторами. Петр Николаевич сидел между двумя лейтенантами, не имея ни малейшей возможности хотя бы украдкой отогнуть краешек штор и взглянуть на окрестности.

Волохов напряженно думал о том, что могло интересовать Берию в такой поздний час. Неужели судьба кенигсбергской группы?

Семнадцатую группу расконсервировали перед самым началом военных действий после провала в апреле сорок первого радистов Шеффеля. Группа №17 базировалась в районе Кенигсберга. Радиограммы от её резидента содержали ценный объем сведений о морских перевозках германского военного снаряжения в порты Прибалтики. Волохов очень нуждался в этой информации. Без нее доклад наркому был бы неполным. Запрос группе был сделан три дня назад, но семнадцатая на связь не выходила.

Именно о ней шла речь и на секретном совещании в наркомате под председательством Лаврентия Павловича. Волохов докладывал обстоятельно, свободно оперируя цифрами и фактами. Память у него была тренированная. Но аргументы Петра Николаевича обрубил старший майор госбезопасности Войцех Янович Рафальский.

Даже внешний вид Рафальского вызывал почтение. Невольный трепет. Суровый, сухопарый, с серебряными висками. Комсоставская гимнастерка строго заправлена по уставу, туго стянута ремнями, украшена сразу тремя орденами Боевого Красного Знамени. Немногословный, он говорил всегда очень сдержанно, понимая, что каждое его слово имеет немалую цену.

Берия внимательно слушал замечания Рафальского. Что-то помечал в блокноте, глядя иногда в окно, за которым бушевал долгожданный июльский ливень.

Рафальский критиковал не только аналитиков Волохова, но и методы подготовки агентуры в целом. И во многом он был прав.

Дела по сбору информации с началом масштабного наступления гитлеровцев шли неважно. Многие разведывательные группы контрразведке противника удалось запеленговать и уничтожить. Некоторые источники, работавшие для Красной Армии, утратили достоверность. Терялась связь с агентурой в тылу врага, не хватало оборудования и хорошо подготовленных спецов.

Особенное внимание обращал Рафальский на работу с кадрами в разведке. Он указывал, ссылаясь на товарища Сталина, на необходимость повышения бдительности и на усиления защиты от проникновения вражеской агентуры.

– Критику мы не отвергаем, товарищ старший майор госбезопасности, – пробовал оправдаться Волохов, – Но у нас действительно не хватает людей. Наши сотрудники в основном убыли в командировки в район боевых действий.

– Кадрами вас обеспечат, – веско сказал Рафальский, – Но отношение к ним должно быть самое бережное. Вы меня понимаете, товарищ Волохов?

– Так точно, Войцех Янович.

Заседание завершилось не слишком хорошо не только для одного Волохова. Некоторым руководителям аналогичных оперативно-аналитических групп было поставлено на вид. Тех, у кого имелись недостатки в работе, Рафальский лично предупредил: спрос будет жесткий. В случае повторения провалов ему не останется ничего иного, как сообщить в докладе Верховному.

Рафальский легко мог выполнить свое обещание. Волохов знал, что старшему майору госбезопасности верил сам Сталин. По распоряжению Хозяина Рафальский получил право на доклад руководителю страны напрямую, без согласования в инстанциях. Именно Вождь приказал усилить секретное управление, которым руководил Войцех Янович, проверенными и опытными чекистами. Опыт у них был особенный, приобретенный в чистках памятного тридцать седьмого года.

Горячим летом сорок первого такой опыт требовался всё чаще и чаще. Многие утратили веру в победу, в могучую Красную Армию после тяжелых отступлений июня 41-го. Неужели всё потеряно?

Мысли роились, перескакивали с одной темы на другую. Машина мчалась по темным проулкам московской окраины. Волохов упорно пытался найти верную ноту, подготовить себя к встрече с наркомом.

Войну ждали. И сам Волохов после возвращения из испанской командировки понимал: фашизм не остановится на Пиренеях. Рано или поздно, несмотря на пакты и договоры, Гитлер и его союзники ударят по первой в мире стране социализма.

Информацию об этом Волохов получал не только из газеты «Правда». В том, что война будет, в отделе Волохова не сомневались еще в июле сорокового. Объективная информация о германских военных приготовлениях в Восточной Польше подавалась руководству наркомата исправно. Но никто из аналитического отдела, в том числе и Петр Николаевич, не мог себе представить, что первые недели схватки с Гитлером обернутся катастрофой для Красной Армии. И что германцы уже через месяц после штурма Брестской крепости окажутся на подступах к Гомелю.

После ливня заметно похолодало. Уже совсем стемнело. Ночная прохлада просачивалась сквозь зашторенное окно дверцы «паккарда». Лейтенанты молчали, как монументы на ВДНХ, бездумно уставившись прямо перед собой. Машина мчалась по шоссе. С ветерком. На вираже «паккард» занесло – Волохова бросило на сидевшего рядом спутника. Пётр Николаевич заметил, как чекист непроизвольно прикоснулся к расстегнутой кобуре табельного ТТ, быстро взглянул на Волохова, извинился.

«Неплохой парень, хорошая реакция. С головой, – машинально подумал Волохов, – Может, выпросить его у Лаврентия, подучим... и в дело. Сейчас люди понадобятся. Много людей. Появилось очень много трудной и тонкой работы».

Поездка закончилась в гараже-подвале, где тщетно старалась рассеять сумрак слабая электрическая лампочка под жестяным абажуром. Отсюда Волохова повели к лифту. Один чекист шёл впереди Волохова. Второй – позади. Шли длинными безлюдными коридорами, стены которых наполовину были выкрашены темно-зеленой масляной краской. Миновали несколько высоких железных решеток, поднимались по винтовой лестнице и, наконец, оказались перед дверью. Здесь один из лейтенантов, прежде чем постучать, со значением глянул на своего напарника. Тот кивнул и застегнул кобуру пистолета.

В маленькой комнате, куда Волохов шагнул уже без провожатых, мебели почти не было. За обычным канцелярским столом, отвернув от себя лампу по направлению к посетителю, сидел плотный и лысый военный, размеренно постукивая карандашом по папке с бумагами. Волохов шелкнул каблуками по-строевому, рапортовал:

– Майор госбезопасности...

– Проходи, дорогой...

Голос Лаврентия Павловича за годы работы в органах Волохов успел изучить хорошо, улавливая в нем разнообразные психологические оттенки. Сочный, вальяжный, с легким грузинским акцентом баритон. Вот сейчас – скрытое напряжение. Берия поспешно поздоровался, пригласил:

– Присаживайся, батоно Петро.

И сразу огорошил вопросом:

– Послушай, а ты Гегеля давно читал?

Петр Николаевич политично кашлянул, потер ладони. Задумался, ожидая, что последует за вопросом. Волохов любил ждать. Ожидая, выбираешь место для маневра.

– Так ты читал Гегеля, Волохов?

– Разумеется, товарищ нарком.

– Я и не сомневался, – удовлетворенно пробормотал Берия, степенно переложив с места на место пухлую папку с документами. – Может быть чаю? Ты же так и не успел поужинать, батоно Петро? Верно?

– Как вы догадались, Лаврентий Павлович?

– А у тебя, дорогой, глаза голодные. И какие-то... усталые. Сразу видно, не поужинал. Так что, заказать чаю?

– Благодарю покорно, Лаврентий Павлович, но, пожалуй, сначала дело. А потом...

– Правильно, Петр Николаевич. Сначала дело. Выкладывай, что вы там намудрили с вашей кенигсбергской группой?

Диаграммы и таблицы, пачка выписок из шифрограмм – столбики цифр...

Петр Николаевич излагал сухо, выделяя главное. Берия не любил цветистого красноречия.

Лаврентий Павлович не переспрашивал, иногда кивал, соглашаясь с доводами старшего майора. Сомневаясь, просил указать нужную цифру и делал пометки в блокноте.

Когда Волохов заговорил об агентуре в Восточной Пруссии, Берия выбрал одну из папок в стопке на краю стола. Долго вчитывался, поправляя пенсне.

Берия повернул настольную лампу так, чтобы лучше осветить лежавшую перед ним страницу. И вдруг...

...достал из папки карточку. Небрежно, машинально. Отложил фото в сторону, перевернув изображением вниз. Волохов заметил: обратная сторона перечеркнута крест-накрест красным.

Такие фото хранили в делах, которые подлежали списанию в архив. Ненужные материалы после провалов разведывательных групп. Красные карандашные линии означали одно – с агентом покончено.

Ладонь наркома накрыла фотографию. Волохов с трудом отвел взгляд. Усилием воли он заставил себя сосредоточиться на сообщении об оперативной обстановке на прибалтийском направлении. Вынул из вороха депеш недавнюю.

– Относительно группы номер семнадцать...

Но Берия раздраженно махнул рукой. Внезапно прервал майора:

– Постой.

Волохов замолчал.

– Хорошо, что читал.

– Не понимаю, Лаврентий Павлович.

– Гегеля читал. Хорошо, говорю, – пояснил Берия. – Полезная штука – философия. Границы раздвигает.

Берия крутанул сильными пальцами фотографию, как бы играя с кусочком картона.

– Значит, ты знаешь, Петро, чему учит нас товарищ Гегель. Замечательно. Гегеля стоит перечитывать.

– Обязательно перечитаем, товарищ нарком. Потом. А пока совершенно нет времени. Столько работы...

Волохов вновь взглянул на фото. Будто к коже прикоснулся электрод. Предательски вздрогнула жилка у виска.

Нарком вздохнул. Вставая из-за стола, проговорил, будто с самим собой делился сомнением и сожалением:

– Чертовски тяжелое время. Хозяин озабочен положением в Прибалтике. Красная Армия отступает. И этот Рафальский. Он, кажется, вздумал вести свою игру.

Берия подошел к полке, на которой стоял графин, снял граненую стеклянную пробку. Оранжевые огни блеснули на гранях.

– Чему учит нас философ Гегель? Диалектике. А что такое диалектика? И зачем она нам, большевикам? Живое древо практики не превратить в мёртвую догму. Согласен?

– Разумеется, товарищ нарком.

– Хорошо, что ты меня всегда понимаешь, Петр Николаевич.

Берия, не спеша, налил в стакан воды. Графин легко позванивал о край хрустального стакана.

– Разрешите, товарищ нарком, продолжать доклад?

– Продолжай, дорогой.

Лаврентий Павлович вернулся к столу со стаканом воды. Поставил. Закрыв папку. В недрах её исчезла фотография, портрет человека: анфас, профиль – их хорошо разглядел Волохов. Берия отодвинул подальше стакан, из которого так и не отпил ни глотка воды. Он сидел у лампы безмолвно, отрешенно. Слушал. Но слышал ли то, что говорил ему Волохов?

После завершения доклада долго молчал, облокотившись на край стола. В отсветах лампы блестели круглые линзы.

– Незаменимых людей нет. Верно, Пётр Николаевич? Так нас учит товарищ Сталин? – тихо спросил Берия. В этот момент он выглядел усталым, неуверенным, даже безвольным. Волохов поразился. Он никогда не видел таким Лаврентия Павловича.

– Так точно, товарищ нарком.

– Вот и ошибаешься, дорогой. Есть, – сказал Берия совсем тихо.

Нарком вновь раскрыл папку и бросил на стол фото. С казённой карточки тревожно глядел на Волохова Мигель? Неужели он? Пётр Николаевич присмотрелся внимательнее. Да, это был он, несомненно, Мигель. Похудевший, измученный. На щеке ссадина. И глаза потухшие, безжизненные. Совсем не таким знал Волохов Мигеля в Испании.

Лаврентий Павлович раскрыл папку. Прочитал:

– Михаил Фёдорович Звонцов. Оперативная кличка «Мигель». Дело закрыто 16 июня 1940 года. Приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение. Все верно?

– Так точно, Лаврентий Павлович.

– Уверен?

– Так точно. Нас информировали.

– Любую информацию надо проверять. Десять, сто, тысячу раз. Чтобы быть в ней уверенным. Так учит нас товарищ Сталин, или нет?

– Так точно! Но что случилось? Открылись новые обстоятельства?

– Есть мнение, что в деле Мигеля всё было несколько не так, как мы думаем. Не исключено, что Мигель мог избежать справедливого наказания. История может оказаться запутанной. Ты обязан разобраться как можно скорее.

– Почему?

– Потому что Мигель так и не рассказал всей правды о барселонском грузе, – сказал Берия.

Помолчав, нарком добавил:

– Самое главное. Постарайся, чтобы никто не узнал о результатах твоего расследования раньше меня. И особенно Рафальский. Ты ведь всегда понимал меня, Петро.

– Да, Лаврентий Павлович.

Нарком согласно кивнул. Волохов перевел дух – внезапно что-то тяжелое навалилось на грудь. Духота сгустилась, превратившись в липкий ком, подкатывавший к горлу, не дававший продыху.

Берия снял пенсне и протер линзы салфеткой. Сказал – нарочито сухо и официально:

– Спасибо за доклад, товарищ Волохов. Думаю, вам лично стоит побывать в особых отделах армий прибалтийского направления.

Заполненный бланк лег на стол. С печатью и подписью. По всей форме.

– Ордер на вылет. Самолет в вашем распоряжении с семнадцатого по тридцатое, товарищ майор. Дела сдать заместителю. Желаю успеха.

Берия сделал паузу. И добавил.

– И скорого возвращения.

– Есть, Лаврентий Павлович.

Волохов быстро собрал документы. Встал, но не двинулся с места. Спросить еще о задании? Что именно он должен выяснить о Мигеле? Нет, нарком не любит лишних сомнений. Никаких больше вопросов, ни слова...

– Возражения? – заметил Берия нерешительность майора. – Предложения?

– Никак нет, товарищ нарком. Задача ясна. Вполне. Разрешите идти?

– Идите.

Глава вторая

Портрет

Сад начинался у вишенника. Старинный, барский, разбитый некогда с роскошью и с размахом, а теперь пустынный, нерасчищенный, но ещё обширный. Сюда Волохова подвезли на том же бронированном наркомовском «паккарде» все те же молчаливые лейтенанты.

Пётр Николаевич пошёл по саду, раздумывая. Странный получился доклад. Казалось, всё как обычно. Да не совсем.

Ему приходилось, и не один раз, докладывать лично товарищу наркому о работе группы. Он знал, как следует говорить: нюансы, формулировки, постановки возможных вопросов, искусство умолчания. Но на этот раз...

Волохов подумал, что если колесо Фортуны повернется в иную сторону, тогда, возможно, ему уже не придется больше никогда в жизни представлять наркому никакой отчетности. Все, закончилось тогда отчёты. Жернова вращаются. Что-то где-то надломилось.

«Да, не так, не так все вышло. К счастью? Или наоборот? – размышлял Пётр Николаевич, шагая по аллеям пустынного сада. – Странная, очень странная беседа. И зачем он ввернул про этого Гегеля? Не для красного же словца. А фотография?».

Волохов хорошо знал человека, чей портрет оказался на столе Берии. Фотография, торопливо выполненная тюремным фотографом. Профиль, анфас. Как положено по инструкции.

Умная, ироничная усмешка Мигеля. На фотографии её не было. Но были знакомые очки-рондо. В серебристой оправе. Да, дужки очков были из белого металла. Мигель приобрел их в Барселоне, в 37-м, под заказ.

Волохов помнил, как испанское горячее солнце матово блестело на оправе очков-рондо. В известняковой пыли, поднятой танкетками франкистов под Уэской.

Всего пара лет прошло с тех времен. Но их хватило, чтобы угасла память о бывшем друге. Мигель стал отыгранной шахматной фигурой.

«Испанской партии»...

После дождя с ветвей столетних лип на майора госбезопасности, шагавшего по аллее, обрушивались ледяные брызги. Пётр Николаевич совсем вымок. Гимнастерка облепила его сухой крепкий торс. Он дрожал от озноба.

Пытаясь согреться на ходу, Волохов убыстрял шаг. Вскоре почти бежал по аллее к одинокому флигелю.

Он думал, что быстрое движение, бег прогонят нестерпимый холод в груди, сжимавший сердце. Но неприятное чувство не исчезло. Мозг сверлила тревога. На многие вопросы, которые задавал себе Волохов, у него не было ответа.

«Архив, поднять дело. Скорее. Ключ? Ах, вот он!» – подумал Пётр Николаевич, взбегая по скользким ступеням лестницы к боковому отдельному и малоприметному входу, торопливо выбирая в связке нужный ключ.

Он вошел в низкую дверь флигеля, поднялся по винтовой лестнице в свой кабинет.

Не зажигая огня, Волохов прошел к массивному банковскому сейфу, оснащённому сложной швейцарской системой кодировки.

Пётр Николаевич завел этот сейф в самом начале работы вверенной ему оперативно-аналитической группы. Стальной шкаф был с секретом. В верхнем отсеке, в толще брони находилось отделение, в котором Волохов хранил самые важные документы.

Предусмотрительные и хитрые швейцарцы встроили в потайное отделение механизм самовоспламенения, который уничтожал бумаги при несанкционированном доступе, при взломе.

В отделении было всего несколько тонких папок. Но в каждой – ключевые бумаги или фото, о существовании которых, в этом Волохов был полностью уверен, не знало его высокое начальство. Точная дозировка информации экономность в движениях – вот что помогает канатоходцу правильно вышагивать по струне, балансируя над бездонной пропастью.

Пётр Николаевич внимательно перебирал страницы в папке под номером шесть. Стенограмма беседы с резидентом Орловым. Газетные вырезки – испанские, немецкие, французские. Фотографии группы туристов на горном склоне: усталые, но весёлые люди, с альпенштоками, в коротких штанах, заправленных в гетры, в блузах навывпуск.

Белый конверт плотной бумаги. Волохов не открыл его, но знал, что в нем – две шпильки. Дамские, золотистые. Он никогда не открывал белый конверт после того, как привёз его из Испании. Старательно избегал ненужных воспоминаний. Боялся их...

Что еще?

План Барселоны с многочисленными чернильными пометками на полях. Меню обеда барселонского отеля «Тейлор». Фотокопия допросного листа, исписанного от руки размашистым нервным почерком. Под текстом стоял фиолетовый яркий штамп с надписью – «Направлен в уч. №0267-бис».

Документы в папку Пётр Николаевич подшивал собственноручно. У каждой бумажки был особенный смысл. Вот эта фотокопия, к примеру. Свидетельство трагедии годичной давности. Архивная пыль...

Волохов подумал о том, как быстро будни, люди, недавнее настоящее становились историей. Только что отгремела война в Испании. И вот уже война здесь, у ворот Москвы. А тогда казалось...

Барселона... В конце апреля 1937 года в ресторанном зале местного отеля «Тэйлор», как всегда, было многолюдно, шумно. И мирно. Из заставленного кадками с пальмами зала казалось невозможным то, что недалеко, на позициях под Уэской, непрерывно трещали пулемёты франкистов, а бойцы ополчения Республики мокли в топких окопах, превратившихся после многодневных ливней в каналы.

Впервые попав в этот отель, Пётр Николаевич Волохов поразился обстановке, царившей в отеле. Он видал много грязи и смертей на всех фронтах испанской гражданской войны. На позициях было много энтузиазма, мученического героизма и отваги. Но не было роскоши, денег, красивых женщин и тонких вин.

Зато всего этого было в достатке в жизни постояльцев отеля «Тэйлор». В его фешенебельных апартаментах, отлично освещенных электрическими лампами, бурлила жизнь. Приняв ванну, жильцы спускались в ресторан, где играл джаз и подавали бифштексы. Естественно, в рабочих кварталах всего этого не было. Как и в бедных деревнях, разбросанных вокруг столицы Каталонии.

Конечно, метрдотель, подавая постояльцам изысканное меню, скорбно гримасничал, прибедняясь, темпераментно проклинал перебои с поставками продовольствия. Но «военные завтраки» официантами «Тэйлора» неизменно предлагались из четырех блюд. А в ночном кабаре полуголые и экзальтированные шансонетки пели о бессмертии «павших героев».

С подиума в нише, где располагался столик, за которым сидели Волохов и его новая знакомая Катрин Пат, можно было наблюдать за всем, что творилось в ресторане. Очень давно, двадцать лет назад, Катрин была Катюшей Патрушевой. Она мечтала в те далекие и дивные годы о фарфоровой кукле и самокате. И ещё о том, чтобы быстрее вырасти. Чтобы венчаться в церкви с корнетом Славиным, который приезжал к тёте Наде на побывку с германского фронта.

Но корнет был убит шрапнелью на Стоходе. Папа увёз семью за океан в год, когда мужики сожгли имение тёти Нади. Прошло время, Катрин стала американкой, закончившей курс кол-

леджа в Сан-Франциско. Она выучилась любить свою новую родину и правильно говорить на «амэрикен инглиш».

С согласия папы, уверенно развернувшего бизнес на прихваченные из России капиталы, Катрин занялась журналистикой. Она неплохо зарабатывала в Барселоне написанием военных репортажей для калифорнийского еженедельника «Морнинг пост». Стала настоящим «нюсхантером». Новости Катрин добывала азартно, узнавая немало интересного от множества знакомых, которые быстро появились у неё в занятой войной и любовью Барселоне.

Второй страстью Катрин была контрабанда – тонкие, набитые крепким египетским табаком пахитоски. С тех пор, как итальянские крейсера блокировали подходы к Барселоне с моря, табак в столице Каталонии стал дефицитом. Его выдавали по карточкам. И то пополам с рубленным древесным мусором.

Катрин совершенно не могла обходиться без пахитосок. Волохов ухитрился доставать ей у перекупщиков из квартала Баррио Чино. Дельцы из этого беспокойного и закрытого для республиканской полиции района Барселоны в свою очередь приобретали курево у марсельских теневых дельцов.

Волохов и Катрин обсуждали новости. Недавней и самой, пожалуй, громкой была история грабежа старинной обители Святого Креста. Анархисты не щадили монахов. Рассказ Катрин был красочен и полон деталей. События развертывались перед Волоховым, как лента хоршего боевика, на совесть сработанного американскими продюсерами.

Это случилось на рассвете, когда вода в фонтане еще только начинала алеть от лучей восходящего солнца. Анархисты ворвались в монастырь в час, когда колокола ещё не успели возвестить о заутрене. Привратник отказался отворить им окованные железом дубовые створки ворот, и солдаты сорвали ворота с петель, взорвав под ними несколько ручных гранат.

Подобрав полы рясы, босоногий монах, личный секретарь настоятеля обители Святого Креста Иерихонской Розы, стремглав бежал по крытой галерее, призывая на помощь святых угодников. Во дворе монастыря раскатисто щелкали винтовочные выстрелы. Пули, рикошета от базальтовых стен, срезали цветы герани, заботливо высаженные монастырскими садовниками в вазах у парапета трапезной.

В переходах, которые соединяли трапезную с приземистым, возведенным еще при короле Филиппе, зданием, где располагались кельи послушников, гремели голоса до зубов вооруженных солдат.

Секретарь настоятеля бежал к алтарю главного храма монастыря. Обезумевший, он искал спасения у статуи Богородицы, ведь, думал он, она одна, милосердная и всемогущая, могла спасти его. Молодчики, ворвавшиеся перед восходом солнца в обитель, были беспощадны и жестоки. Бородача, который отдавал им команды, звали Андре Ромеро.

Только что на глазах секретаря громили проткнули длинными, трехгранными штыками отца настоятеля. На штыках, словно копну сена на вилах, они выволокли агонизировавшего пастыря во двор и швырнули в фонтан. С крытой галереи, на которой стоял в тот момент секретарь, хорошо была видна страшная картина погрома

Вода в фонтане очень быстро стала темно-красной от крови сброшенных братьев-бenedиктинцев. Их расстреливали в упор. Одноглазый верзила расхаживал с мачете в руках по двору и хрипло ругался по-каталонски.

Своим мачете он наносил ужасные раны связанному привратнику, тело которого превратилось в сплошное кровавое месиво. Душа уже покинула обезображенную плоть хранителя врат, но верзила вновь и вновь с размеренным остервенением наносил удары, вонзая мачете в жертву.

Увидев застывшего у парапета секретаря, верзила ещё сильнее замахал мачете, указывая своим сообщникам на новую жертву. По сигналу одноглазого солдаты тут же бросились вдогонку за секретарем.

Помощник настоятеля заметил преследователей и еще быстрее помчался к спасительному убежищу. Чудак, он всё еще думал, что сможет обрести спасение у алтаря. Хватаясь за холодные стены, на которых блестели капли влаги, выступившей за ночь, утомленный страхом и неистовым бегом, секретарь распахнул дверь в придел церкви святой Розы.

– Отец Доминго! – вскричал секретарь, замерев на пороге. Он увидел ключаря обители в окружении вооруженных головорезов.

– Падре, там, там, у фонтана... – беспомощно взывал монах, не решаясь переступить порог и войти в придел церкви. Бородач Ромеро молча подошел к монаху, парализованному ужасным видом обмотанных пулеметными лентами компаньерос, и грубо толкнул его в грудь. Монах едва не упал, отступил на несколько шагов, соскользнул босыми ступнями с порога, а солдат захлопнул перед его носом церковную дверь.

– Вы нарушаете заповеди. Поймите, это чрезвычайно опасно, – сказал падре Доминго, ключарь монастыря, содрогнувшись от грохота захлопнувшейся двери. Он говорил тихо и отрешенно, почти шептал, будто не замечая направленный на него ствол автоматического пистолета.

– Мы не на исповеди, Доминго, – нетерпеливо перебил монаха Ромеро. Сверкающий белозубой улыбкой на дочерна загорелом лице, он был совершенно уверен в том, что ключарь просто тянет время, надеясь на чью-то помощь.

Ромеро не верил ни одному слову монаха. Он никому не верил. Никому и никогда – ни богу, ни черту. Выросший в портовых барселонских кварталах, он знал, что, если рассуждать просто и не забираться в дебри, жизнь – это всего лишь тупой обыденный труд, драка за кусок хлеба и стакан вина. И лучшая из идей та, которая позволит парням с тугими кулаками всегда побеждать в этой драке. Так справедливее будет, считал предводитель анархистов.

Скоро рухнет государство, не будет лжи и насилия. Победит справедливость. И монахи не окажутся полезными тем, кто добывает кусок хлеба честным трудом. Он искренно презирал лицемерных бездельников в рясах, прятавшихся в своих норах от жизни и тайно (в этом Андре был уверен), помогавших палачам Франко в дни, когда под Уэской в боях с марокканцами обливались кровью интербригады.

Падре потёр сухие жилистые руки и робко попросил Андре:

– Подумайте о душе, сын мой, о грядущем.

– Давай покончим с делом без лишних слов, Доминго. У нас мало времени, – Андре демонстративно сверкнул массивным серебряным хронометром. – И потом... Слова не заменяют хлеба и пороха.

Ромеро не собирался терять время даром. Через двадцать три минуты к монастырю в горах придут три грузовика. В кузов одного из них двадцати восьми бойцам группы анархо-синдикалистов ревком приказал погрузить 129 пятикилограммовых ящиков – 1612 с половиной фунтов чистого золота из подземных хранилищ монастыря святого Креста.

Груз требовалось доставить в барселонское отделение госбанка, которое контролировалось анархистами. Оперативную информацию о наличии золота в монастырских кладовых в ревкоме получили четыре часа тому назад. Разумеется, полагали в ревкоме, это были тайные ценности контрреволюционеров. Но для чего и кому они предназначались – в ревкоме не знали. Звонок в штаб анархо-синдикалистов был анонимным.

В сумрачный и прохладный придел церкви Святой Розы почти не проникали лучи жгучего солнца, которое уже поднялось над горизонтом. Здесь пахло плесенью, как в винном погребе. Стены в церкви были очень толстые, сложенные из камня лет пятьсот тому назад.

Андре Ромеро подумал, что такие стены прекрасно погасят все шумы и звуки. Даже пулеметная очередь, не исключено, вряд ли будет отчетливо слышна людям на площади. Что уж говорить про пистолетный выстрел. Здесь и двери добротные. Толстые, дубовые. Предсмертные хрипы прибежавшего искать спасения у деревянного обрубка, наивного монаха, которого

разгоряченные насилием анархисты добивали за дверью винтовочными прикладами в галерею у трапезной, здесь, в приделе, едва различимы.

– Послушай, Доминго, я могу выстрелить тебе в ногу. А потом... в живот. Что скажешь, падре? У меня мало времени.

Ствол автоматического пистолета командира анархистов нетерпеливо дернулся вверх, но падре Доминго оставался по-прежнему бесстрастным.

– Вы нарушаете божественные заповеди, сын мой. – упрямо повторил монах. – Это все, что я могу вам поведать. Грех породит грех. А искупление...

Андре широко улыбнулся и выстрелил в висевшее на стене придела раскрашенное керамическое распятие. Каменная крошка осыпала падре. Ромеро намеренно промахнулся, чтобы монах содрогнулся от дыхания смерти.

Пуля щёлкнула по стене, но ключарь устоял, не рухнул на колени и не стал молить анархиста о пощаде. Он был упрямым, этот святоша, а, значит, достоин хорошего урока.

И потому второй раз Ромеро выстрелил в правую ногу монаха. Ключарь беспомощно дергался на полу, путаясь в быстро темневших от обильной крови складках рясы. Ромеро шагнул к Доминго, наклонился над монахом, приставив к его голове автоматический пистолет...

– Так ты скажешь, где золото, старая рухлядь? Или мне разнести твой череп вдребезги?

– Скажу, скажу, сын мой, только не убивайте, прошу вас...

Волохов слушал рассказ девушки, которая сидела напротив него с блокнотом за столиком ресторана отеля «Тэйлор». Пётр Николаевич автоматически, многократно очерчивал красным карандашом заметку в свежем, от 16 апреля 1937 года, номере «Правды»: «Барселонский корреспондент „Морнинг пост“ сообщает, что в связи с антирелигиозным движением монастырям и религиозным обществам выдано теперь оружие. Часто монастыри охраняются специальными вооружёнными патрулями. В Овиедо монахи открыли стрельбу по толпе, когда была сделана попытка поджечь монастырь». Московская почта, несмотря на блокаду, приходила в Барселону точно по расписанию.

Катрин рассказывала взволнованно, очень ярко, одновременно торопливо записывая что-то в блокноте и часто затягиваясь пахитоской. Пётр Николаевич аккуратно положил карандаш и свежий номер «Правды» рядом с недопитой чашкой крепчайшего, сваренного по-мароккански, кофе. Линия вокруг газетной заметки получилась очень толстая, карандаш прорвал желтоватую газетную бумагу в нескольких местах.

– Столько подробностей. Откуда ты знаешь обо всем этом, Катрин? – Удивленно спросил Волохов. Ему казалось, что Катрин не обращала на него никакого внимания. И взволнованный рассказ о том, что произошло вчера в монастыре, адресовала кому-то другому, не ему. Или самой себе. Только не ему, Волохову.

Рядом с Катрин на белоснежной скатерти рядом дымилась в пепельнице длинная тлеющая пахитоска, заправленная в мундштук. Катрин улыбнулась. В её огромных серых глазах, которые так нравились Волохову, блеснули ироничные искорки.

– Откуда? От хороших знакомых, Пьер. Например, от Андре Ромеро, мой милый. От кого же еще узнают такие вещи.

– И все это тыставишь в колонку на четвертой странице твоего еженедельника?

– Конечно, нет. Всё не поместится. Но это можно продавать. Почему не найти других покупателей? На еженедельнике свет клином не сошелся. У нас, в Штатах, пресса свободна. А подробности иногда бывают неплохим товаром.

Катрин жадно затянулась пахитоской и неожиданно, вместе с колечками пряного табачного дыма выдохнула, будто стремясь заставить своими словами Волохова врасплох:

– Андре справился со своей работой прекрасно. Он развязал язык этому святоше.

– Неужели? Каким же образом?

– Андре всегда честно выполняет то, что обещает.

– Стало быть, он не постеснялся угостить незащитного Доминго второй пулей. Хорош герой! Стрелять в безоружного.

– Перестань. Андре просто честно выполняет свой долг перед Республикой. Монахи зажались, прячут ценности и хлеб. Их надо наказывать, карать, – Катрин даже взмахнула в негодовании кулаком. От её иронии не осталось и следа.

– Или фашисты свернут нам шею, или мы им! Другого не дано. Или ты думаешь иначе, Пьер?

– Конечно, война есть война. Для победы нужны деньги. Много денег.

Волохову не хотелось больше говорить об анархистах. Всем своим видом он дал понять это Катрин. Мол, какое ему дело до очередного сенсационного репортажа для калифорнийского еженедельника «Морниг пост»?

На самом деле то, что было новостью для Катрин, Волохов узнал гораздо раньше. И с еще более циничными, жестокими, страшными подробностями, которые он мог бы поведать журналистке, но о которых не смел говорить. Он не придавал значения информации о бойне в обители. Мало ли зверств бывает на войне. Особенно на гражданской. Самой беспощадной из войн – замечено: соотечественники особенно рьяно и охотно режут друг друга во имя классовой борьбы.

Катрин жадно затягивалась пахитоской и следила за тем, как выматывал душу из официанта анархист Андре Ромеро. Он требовал выпивку.

– К счастью, Андре не захватил сегодня маузер, – задумчиво сказала Катрин. Белые кольца табачного дыма повисли над девушкой: серия чинно растворявшихся в сизом воздухе ресторана нимбов. – Но он напьётся. Если уже не напился. Зови Мигеля, Пьер. Пока не поздно. Волохов спешно покинул зал.

Их друг Андре действительно напился до зелёных чертей. За первой порцией перно последовала вторая. А за ней третья. Официант отказался принести четвертую.

Тогда Ромеро выхватил у официанта поднос со стаканами, который тот нес к другому столику.

Вспыльчивый официант – каталонец попытался отнять у Андре поднос. Но анархист грубо оттолкнул его.

Официант едва не отлетел к соседнему столику. Он удержался на ногах, только ухватив попавшую ему под руку спинку резного, крытого бархатом стула. Зазвенела битая посуда. Из-за портьеры на шум выскочил озабоченный администратор.

Ромеро повелительно махнул ему рукой, грязно выругался. Осыпая проклятиями тыловых крыс и врагов народа, он отчаянно жестикулировал, посылал всех к чертям.

Администратор кричал, звал на подмогу. Прибежавшие на его зов официанты примеривались, как наброситься скопом на Ромеро, чтобы надежно скрутить смутьяна полотенцами. Они понимали: без жертв не обойдется. Но никому из них не хотелось получить увечье.

В окрестностях ресторанного бара назревала полномасштабная драка, когда в зал спустились Волохов и Мигель. Они подхватили почти терявшего сознание Ромеро.

Анархист махал пудовыми кулаками, но вскоре убедился в том, что на его свободу посягают не те, кто толпился за спиной администратора, а его друзья, и сдался. Андре покорно дал себя увести на третий этаж, по дороге бормоча что-то о плохом снабжении патронами и харчами пулеметчиков у Торе-дель-Плата, о телескопах, которые франкисты применяют для корректировки артиллерийских стрельб везде, где им только не лень.

Перед самыми дверями своего номера Ромеро заявил, что всякий анархизм и социализм есть дерьмо, если они направлены против свободы личности. С этим заявлением он потерял способность к осмысленным действиям и был уложен в постель Волоховым и Мигелем.

В своем номере, завершив трудную эпопею умиротворения Андре Ромеро, Мигель спросил у Волохова по-французски:

– Интересно, какого черта Ромеро стал напиваться так рано по вечерам? Неужели всё так плохо и они окончательно проигрывают кампанию? Франко наступает.

– Что из того?

– Анархисты никогда не теряли уверенности в победе.

– Будет видно, – пожал плечами Волохов, – Сегодняшняя почта пришла?

– Разумеется, – Мигель подал Петру Николаевичу увесистый запечатанный пакет.

Мигель не вскрывал конверт, хотя на нем были адрес, имя руководителя группы советских журналистов в Барселоне. Им был Мигель. Все журналисты из Страны Советов носили испанские имена. «Товарищу Мигелю. Лично в руки» – повелевал стремительный росчерк. Это был автограф резидента советской разведки Орлова.

Волохов отложил в сторону ненужное. В бумажном ворохе заметил брошюру с недавно вышедшим в московском партийном издательстве очерком Мигеля о грозе фалангистов и герое борющегося народа Испании Андре Ромеро. Ему требовался бюллетень московской писательской организации. В нем между строк симпатическими чернилами написан текст шифрограммы. Конечно, способ передачи данных древний. Но проверенный. Резидент в Мадриде никогда не пользовался только одним каналом доставки сообщений. Орлов изобретал все новые и новые варианты действий, чем ставил в тупик своих оппонентов – шпионов Гитлера, Франко и Муссолини.

Обработав нужные ему страницы бюллетеня, сверяясь с ключом шифра, Волохов еще и еще раз перечитал текст новой шифрограммы. Информация для Мигеля. Она указывала координаты места прибытия подводной лодки «Астурия» – одного из немногих подводных кораблей республиканского правительства. Команда субмарины состояла из испанцев, живших до пиренейской гражданской войны в СССР, а также из моряков Черноморского флота. Все – активные коммунисты, неоднократно проверенные органами НКВД, ребята надежные, отважные.

Шифровка резидента предписывала Мигелю изъять из Барселонского отделения Госбанка Республики 645 килограммов золота. Все слитки в количестве 129 штук затем следовало загрузить на подлодку. Естественно, при полном и самом строжайшем режиме секретности.

– Здесь задание для твоих ребят, Мигель, – сказал Волохов.

– Снова золото. Рутинка... – хмыкнул Мигель, перечитав текст.

Получить, вывезти, передать. Все просто, буднично. Бухгалтерская операция. Но приказать было легче, чем выполнить. В цепочке действий не хватало одного звена. Волохов подумал, что о нём еще не знал резидент Орлов. Но жизнь играла свою партию, которая не имела ничего общего с заказанной партитурой.

Орлову не сообщили, что день назад контроль над отделением Госбанка в Барселоне перешел в руки анархистов. Бородачи в черных рубахах решили взяться за дело всерьез. Они готовили восстание. Поднять бедноту барселонских трущоб, взять власть, а с ней и все ресурсы. Начальником отряда, охранявшего банк, стал любитель анисовой водки Андре Ромеро.

Из окна номера открывался вид на бульвар Рамблас. Волохов отвернул край портьеры. На стене четырехэтажного дома напротив повисли красно-черные транспаранты, на которых белилами спешно намалевали лозунги: «Читай анархистские книги и станешь человеком!» и «Во имя человеческого достоинства не дари своим детям игрушечных солдатиков». Пётр Николаевич кивнул Мигелю и заметил, поджигая в пепельнице страницу из московского бюллетеня:

– Они почти взяли город в свои руки. Орлов озабочен. Всерьез.

– Чем же? – изумился Мигель. Он старательно грассировал, подражая каталонскому выговору.

– Твоим неумением повернуть дело в нужное русло, друг.
– Ты о каком именно деле, Пьер?
– О последнем. И перестань говорить по-французски. Нас все равно никто не слышит.
– Хорошо, Петр, о делах по-русски. Кстати, в разведке анархистов тоже некоторые прекрасно говорят по-нашему. У них работают соотечественники. Из эмигрантов-троцкистов.
– Ты хотел сказать – работали.
– Кто знает, кто знает. Всех убрать еще не успели.
– Беда в том, что мы не знаем толком, что в голове у нашего друга Ромеро, Мигель. Ты по-прежнему будешь бить кулаком в грудь и уверять, что Ромеро добрый малый? Он никогда не повернет на сторону фаланги? Не дёрнет напрямик к Гитлеру? Да?
– Да. Я уверен в нем. Он настоящий компаньеро.
– Ерунда. Мы должны быть уверены в Ромеро. Предстоит трудная операция с вывозкой золота.
– Золото? В который раз? Устроим в лучшем виде, как прежде, – с легкомысленной небрежностью бросил Мигель.

Волохов скептически пожал плечами. Но Мигель её заметил его пренебрежения. Он тут же добавил, уже более серьезно. Заговорил настойчиво, торопливо, горячо.

– Я уверен в Андре. Ну поговори с ним сам. С глазу на глаз. Если хочешь, я устрою встречу. В кафе «Континенталь», например.

– Даже так, – усмехнулся Волохов.

Кафе «Континенталь» Петр Николаевич считал сомнительным заведением. В его стенах вполне могла быть установлена прослушивающая аппаратура «пятой колонны». Восторженный Мигель, подумал Волохов, писал гениальные очерки, его репортажами зачитывались в Советском Союзе стар и млад. Его хвалил сам товарищ Сталин. Но вот конспиратор из Мигеля был плёвый. Агентурной работе его следовало учить и учить. Хоть бы на курсы записали. Что в Центре думают, доверяя важные акции дилетанту.

Волохов успел убедиться в этом на практике, наблюдая за тем, насколько чисто выполнял агентурные задания Мигель: не всегда мог определить наличие слежки. Был способен раскрыть себя неловким словом.

Такого человека, будь воля Петра Николаевича, он в разведке не держал. И вряд ли поручил бы ему ответственную операцию. Но начальству в Москве и резиденту Орлову виднее. Очевидно, Центр по известным ему соображениям предназначал журналиста Мигеля для тонкой игры на самом высоком уровне. Волохов здравым умом не мог не понимать: знать лишнего никогда не требуется.

В дверь номера настойчиво постучали. Кто-то кричал по-каталонски, срываясь на истошный фальцет:

– Компаньеро Мигель, откройте, пожалуйста, это срочно, очень срочно. Откройте. Умоляю...

Мигель внимательно посмотрел на Волохова, застывшего у окна. Поморгал, сильно стиснув веки, снял круглые очки-рондо. Протёр стекла замшевым лоскутком. Улыбнулся неловко, обернувшись к Волохову.

– Андре напился. Пойду выручать. Как обычно.

И пошел открывать дверь своего номера, инкрустированную красным деревом.

Перечитав при неярком свете ночника фотокопию допросного листа, Волохов аккуратно завязал тесемки папки. Долго сидел у раскрытого сейфа.

На подоконник гулко падали капли – недавно отгрохотал щедрый июльский ливень. Шумел под окном старый клен.

Прошлое не хотело убираться прочь. Петру Николаевичу ещё чудился людской шум отеля «Тэйлор». Запах кофе и крепкого египетского табака. Он видел перед собой пепельницу, а на ней пахитоску в длинном мундштуке, которую жадно курила Катрин Пат.

Нет, так нельзя. Заснешь чего доброго. А спать некогда. Волохов помассировал указательными пальцами виски. Потянулся к телефону. Вспомнил, что прежде следует затворить дверцу сейфа. Закрыв сейф, он набрал номер внутреннего телефона и вызвал своего заместителя, капитана госбезопасности Дмитрия Ефремова.

Аккуратный и пунктуальный Ефремов не заставил себя долго ждать. Он появился так быстро, словно стоял у дверей кабинета майора, ожидая вызова, несмотря на поздний ночной час.

Волохов заметил в руках заместителя ворох бумаг.

– Что там?

– Запрос странный, товарищ майор. Из кадровой службы. Есть указание службы Рафальского проверить.

– Не понимаю. При чём тут кадровики?

– К нам лейтенанта направили. Панкова. Для прохождения службы. А он не явился. Задержался где-то. Вот кадры просят сообщить о нем.

– Ошибка какая-то. Разберись там. А то замучают проверкой. Будем без вины виноватыми. Все?

– Никак нет. Семнадцатая вышла на связь. Поступили разведданные из Восточной Пруссии. Очень интересные.

– Хорошо. Но это пока тебе придется разгребать.

– Не понял, товарищ майор.

– А что тут не понять, Дима? Готовься принимать дела. Временно, – озабоченно сказал капитану Волохов. Перед Ефремовым он не считал нужным скрывать перемены настроения.

– Есть принять дела, – привычно отозвался заместитель. Приказ начальства не обсуждается. Вышколенный службист Ефремов ничем не выдал своего смущения, озабоченности разворотом дел. Он просто вынул из нагрудного кармана гимнастерки маленькую записную книжку и карандаш, приготовился записать.

– Нет, не надо ничего писать, – махнул рукой Волохов. – Дела ты и так знаешь. Возьмешь командование на время моей командировки. Вот ордер. Пусть приготовят самолет, вылет без промедления. Я обязан вылететь в прифронтовую полосу. Приказ товарища наркома.

– Будет сделано, товарищ майор! Какие еще будут приказания?

Волохов не ответил. Он поглядел на массивный сейф. Затем – на Ефремова.

Лейтенант бесстрастно ждал, как и полагается хорошему службисту.

«Зачем Берия говорил мне про Гегеля? Для красного словца? И о Рафальском? О незаменимых кадрах? Нет, Лаврентий Павлович вымеряет, как в аптеке. Все неслучайно. Значит, что-то там, наверху происходит. Неужели сам Хозяин решил поменять руководство и Берия может оказаться под ударом? А с ним и все, кто был ему предан?» – Петр Николаевич внезапно почувствовал, как кольнуло в висок тонкая холодная игла.

«Нет, шалишь. Петьку Волохова не возьмешь на арапа. Зубами грызть будем, но отобьемся!» – Волохов зло усмехнулся. Надо бить первым. Кого? Как? Пока неясно. Но разберемся. Ввязаться в драку, а там понять, какими приемами отбиваться. И чего будет стоить победа. Вот так, Петруха, только так.

Лихорадочный жар отступал. Душу медленно наполнял особенный покой. Ощущение было точно таким, как тогда, в Пиренеях. Он вышел из дикого леса к скалистому обрыву. Стоя на гранитном уступе, видел под собой далеко внизу извилистую ленту бурной речушки, сосны на склонах и дымки дальней пастушьей деревушки, разделенной надвое белым проселком.

Затянувшаяся пауза, заметно, прискучила деятельному капитану. Ефремов кашлянул в кулак. Волохов, словно очнулся от цепкого сна наяву. Он посмотрел в лицо своего зама и, улыбнувшись, спросил:

– Кто такой Гегель, Дима?

Ефремов удивленно уставился на Волохова. О Гегеле и об использовании его философского наследия в работе первичных парторганизаций можно было прочесть в последнем номере журнала «Коммунист». В ответах товарища Сталина на вопросы саратовских колхозников. Но Ефремов не сказал об этом начальнику. Он знал, что к партийной пропаганде товарищ майор госбезопасности относился с прохладцей. Хотя широко этот факт Волохов и не афишировал. Поэтому Ефремов ответил просто:

– Ученый такой, товарищ майор. С помощью своего диалектического метода Гегель переосмысливает...

Волохов махнул рукой, поспешно остановив монолог политически грамотного чекиста, немного помедлив, сказал:

– Работает неплохо, творчески?

– Кто?

– Да Гегель этот. Он ведь из ГлавПУРа? Правильно?

– Никак нет, товарищ майор. Умер он. Давно. Сто лет назад. И не у нас, в Германии.

– Молодец, Дима, зачет – иронично ухмыльнулся Волохов.

Он побарабанил пальцами по столешнице. Покосился на старательного педанта Ефремова, захохотал. Мастерски спародировал манеру разговора капитана Ефремова:

– Нет, Митрий, ты неисправим. Педант, сущий педант. Все-то у тебя по полочкам выложено. Как в магазине. Гегеля сто граммов, пожалуйста. Сию минуту, вам кусочком или нарезать? Но Гегель-то тебе не колбаса! Что ж его по кусочкам растаскивать. Гегеля-то!

Ефремов понял, что его разыгрывают, обиделся. Он не хотел показать Волохову, что веселость начальства задела его за живое, но внезапный густой румянец, заливший щеки...

А Пётр Николаевич наставительно заметил:

– Обиделся. На начальство, Митрий, не дуются. Себе дороже обернется. Заруби на носу.

Волохов примирительно вновь махнул рукой:

– Ладно, Дима, черт с ним, с Гегелем. Звони на аэродром, пусть самолет готовят. И машину мою к подъезду. Через час. Может, ещё успею выспаться на дорожку.

Глава третья

След синего карандаша

Лететь в спецлагерь №0267-бис, или «учреждение Чагина», как его еще называли коллеги Волохова, пришлось в штурмовике на месте стрелка-радиста. Под плексигласовым колпаком, у пулеметной турели Волохов чувствовал себя неудобно. Он вообще с опаской относился к путешествиям по воздуху. Рискованное занятие – полеты. Особенно при роде занятий Петра Николаевича. Затянет в мотор птицу воздушным потоком. Поленится механик на аэродроме проверить какие-нибудь рычаги, шланг, трубку. Воспламенится топливо в баке. Многого могло случиться. И, что самое интересное, случалось с советскими самолетами.

Шут с ним, с самолетом. Крылатая железка разобьется вдребезги, новый самолет на заводе построят. А человека на заводе не отремонтируешь. Нет человека, как говорится, нет и проблемы. «В профессиональном смысле, конечно, – просто подумал Волохов, – ничего лучше авиакатастрофы не придумать». Но вот если самому в таком самолете оказаться, тут уж держись! Не поздоровится. Как тем людям, в Тифлисе.

В конце двадцатых на аэродроме неподалеку от столицы Грузии проводили показательные полеты пассажирского самолета. В одном из первых полетов пассажирами стали один из руководителей местных чекистов Агарбеков, герой Гражданской войны Фокиявичус, Могилевский, сослуживец совсем юного тогда чекиста Петьки Волохова.

Самолет потерпел аварию. Пассажиры и летчики погибли. В акте комиссии по расследованию причин катастрофы было указано: «Падение аппарата произошло из-за неисправности элеронов».

Возможно, элероны действительно были неисправны, но в руках у мертвого и до неузнаваемости обезображенного при падении крылатой машины Агарбекова Пётр Волохов, одним из первых оказавшийся на месте катастрофы, увидел «браунинг».

Из него Агарбеков застрелил пилота, пытавшегося покинуть самолет с парашютом. Пистолет Агарбекова Волохов утопил в ближайшем ручье.

Через пару недель по протекции начальника секретно-оперативной части Грузинского ОГПУ Лаврентия Павловича Берии получил сотрудник угрозыска Волохов повышение по службе, еще через месяц был переведен на службу в ГПУ. По комсомольской путевке.

Пётр Николаевич усмехнулся. Он подтрунивал над своими слабостями. Особенно, когда судьба загоняла его в тупик, и ничего, кроме как пошутить над собой, больше не оставалось.

А впрочем... Нет, пожалуй, не стоит ему грешить на судьбу. Наоборот, должен быть ей, чертовке, благодарен. Хотя бы за встречу в августе 1926 года. Когда привелось познакомиться с молодым, но уже настоящим комиссаром – Лаврентием Берией. Мать Петрухи Волохова стирала этому степенному и тихому грузину белье. Берия проживал по соседству, в доме, примыкавшем задним двором к их пролетарской трущобе, почти развалившейся за годы гражданской войны.

А с другой стороны, если о судьбе подумать... Кошмарным пророчеством сочла бы мать Петра Волохова, Елизавета Алексеевна, выпускница Смольного института, рассказ о своем будущем: придётся ей в расцвете лет скрывать буржуйское прошлое, нищенствовать за тысячи верст от родного дома, перебиваться трудовой копеечкой.

А отец, дед могли бы подумать о такой ее жизни? Дед Пётр Петрович Волохов, землемер, брал мелкие подряды на строительство, нанимал в работу каменщиков и плотников. Дед копил копейку, чтобы выучить в университете сына Николая, который стал после окончания курса Петербургского университета врачом.

За неблагонадежность (участие в митинге) Николай был выслан под надзор полиции в Опочечкий уезд, на родину. Университет закончил экстерном, вскоре получил место земского врача. В начале 1908 года он женился на помещицкой дочке Елизавете Львовой, отхватил за супругу в приданое хутор возле усадьбы Крулихино. Хутор – скромный дом, конюшня, скотный двор, гумно – раскинулся на берегу речки Терелянки, земли его примыкали к шоссе Опочка-Новоржев. Там и появился на свет весной 1909 года Петя Волохов.

Отец зарабатывал на частной практике неплохо. Любил охоту и движение, долгие блуждания по псковским лесам. В такие походы брал с собой сына. Петке нравилось, как лихо батя мог стрелять зверя, бить острой рыбой на Черном озере. Охотничьему промыслу учил с детства сына. Да, Николай Волохов был хорошим отцом.

«Одно плохо, – говорила мать, – азартен наш батюшка больно». По субботам резался с помещиками в карты, часто выпивал, денег в доме вечно не хватало. Единственному ребенку в семье Пете иногда не было на что и башмаков купить. Но голодать не приходилось. Хутор сытно кормил всю семью. Даже в голодные годы революции.

Осенью девятнадцатого сытой жизни на хуторе пришел конец. Дом, конюшню сожгли пьяные красноармейцы, искавшие припрятанное зерно. Реквизировали двух коней да порубали пашками коров да овец.

Волоховы собрали пожитки и отправились сначала к брату матери Никите Алексеевичу под Псков. Он служил в комиссариате по снабжению, помог с продуктами, с ордерами на жилье.

В 1925 году отец умер от тифа. Шестнадцатилетний Пётр сильно горевал. После смерти отца он не оставил мать, не поехал на рабфак в Питер, хотя секретарь комсомольский настаивал.

Через месяц после отцовских похорон арестовали дядю Никиту. За растрату. В Пскове говорили, что гораздо дешевле жить в Сухуме или в Тифлисе, чем на заваленном снегами Севере. Пётр отправился с матерью на юг.

Солнечная Грузия пригрела их. Веселый город на зелёных горах подарил не только хлеб и покой, но и дал Петру путевку в жизнь. Юный Волохов поступил на работу в местный угрозыск. Оттуда случай вывел его на самого заместителя председателя ГПУ Грузинской ССР, начальника Секретно-оперативной части Лаврентия Берия. И тот же всемогущий случай дал ему шанс заслужить полное доверие высокого покровителя.

– Здесь только за сороковой год, товарищ майор госбезопасности, – сказал Варфоломей Михайлович Чагин, начальник оперативного отдела лагеря №0267-бис, выкладывая на стол перед Волоховым несколько пухлых, набитых бумагами канцелярских папок. На каждой из них красовалась строгая типографская надпись «Для служебного ознакомления. Совершенно секретно».

– Все списки. Точно? – подозрительно спросил Волохов, глядя на потный красный лоб тучного Чагина.

Петр Николаевич мог бы и не переспрашивать. Чагин был отчаянный служака, чем-то похожий на Ефремова.

«Наверное, и Дима Ефремов будет вот таким солидным дядькой лет через двадцать,» – иронично подумал Волохов, наблюдая, как сноровисто Чагин раскладывал на широком столе канцелярские папки. Волохов вообще предпочитал иметь дело с педантами. Аккуратисты предсказуемы. Их поведение, мотивы поступков можно было прогнозировать с высокой степенью точности.

– Как можно... – обиженно протянул Чагин. И тут же осведомился: мол, не нужны ли еще какие-нибудь дополнительные документы?

– Нет, пожалуй, пока свободны, я вас вызову, Варфоломей Михайлович, – торопливо сказал Волохов. Он не притронулся к документам, пока Чагин не покинул помещение спецхрана.

В первой папке оказались листы с длинным алфавитным перечнем фамилий людей, с которыми в учреждении №0267-бис люди Чагина работали в январе 1940 года. Списки очень подробные, оформленные в виде таблицы. Напротив каждой фамилии – номер статьи Уголовного кодекса СССР, по которой велось дело. Тут же окончательная мера наказания.

В основном, подопечные Чагина получали не менее десяти лет лагерей. Многие – без права переписки, что означало одно – немедленный расстрел. В штате отдела Чагина была даже специальная группа обученных сотрудников, которая занималась осуществлением этого последнего вида наказания: меткие стрелки, с тщательно проверенной биографией, безупречного классового происхождения – все в прошлом неквалифицированные рабочие-пролетарии, несемейные бобыли, обиженные судьбой.

Списки за январь Волохова совсем не интересовали. Он просматривал отчетность за июль 1940 года. Красное графитное жало отточенного карандаша скользило по длинным рядам строк списков, датированных началом июля сорокового года. У одной фамилии в предпоследней графе на тридцать второй странице карандашное жало замерло.

Волохов хотел поставить рядом с именем в предпоследней графе жирную галочку, но заметил, что имя в графе кто-то до него уже подчеркнул синим карандашом. Чья-то неведомая рука аккуратно заключила в овал фамилию и помещенный следом за ней заковыченное слово. Не имя, агентурный псевдоним человека, фотографию которого Волохов видел на столе в кабинете Берии – «Мигель».

Волохов откинулся на спинку жесткого канцелярского стула. В лишенном окон, бетонном кубе архива спецучреждения Чагина не было вентилятора. Отдушины, забранные под потолком частыми решетками, почти не пропускали воздуха.

Волохов расстегнул крючки гимнастерки. Сто к одному, в таких апартаментах недолго и задохнуться. Вентиляционные каналы лет десять никто не чистил.

Подумалось вновь о причудах судьбы. Странно получается в жизни. Все зыбко и переменчиво, как игра света и тени на речной воде под ивами в солнечный день. Сразу и не разберешься, где черное, где по-настоящему белое. Качнулась ивовая ветка под дуновением ласкового ветерка, и на тебе, иная картинка. Чужая. Непривычная. И все иное: свет, мысли, чувства.

Волохов сделал закладку и бегло пролистал другие страницы в папке. Подчеркнутой оказалась только фамилия Мигеля. «Кому понадобилось выделять именно эту фамилию в общем списке? – подумал Пётр Николаевич. – Определенный интерес к этому делу. У кого? У Варфоломея? Цель?»

Волохов вызвал Чагина.

– Что это у тебя за художества в документации, Чагин? Чей автограф? Твой? – Волохов ткнул мизинцем в страницу, указывая на подчеркнутую синим карандашом фамилию.

– Никак нет. Не я писал, – поспешно стал отпираться служака – капитан.

– Кто же тогда? Объясни внятно. В состоянии?

– Никак нет, товарищ майор госбезопасности. Не могу знать. Но я точно никаких отметок не делал.

– Подозрительно все это, Чагин. Не находишь? Какие-то отметки в секретной документации.

Голос Чагина дрогнул.

– Дело прошлое. Объект в расходе. На сорок восьмой странице реестр боеприпасов. На этого Мигеля обойма списана. Как положено. По нормам наркомата.

– Значит, нет ошибок? Все в порядке?

– Конечно, что тут беспокоиться. Списание сто лет никто не смотрел. Кто его проверять будет?

– Да ты, гляжу, рехнулся тут, Варфоломей. Зажрался. Будут, Чагин, будут. Нутром чую.

Волохов с треском захлопнул папку с бумагами. Прошелся по маленькому пространству комнаты спецхрана. Он подозревал, что Чагин не договаривает – ведомо ему, кто подчеркнул синим карандашом фамилию журналиста.

Петр Николаевич снова почувствовал сухой жар у висков, как в тот момент, когда он увидел фото Мигеля в руках Берии.

«А что, если я ошибся? Если они не довели работу до конца? И Мигель остался жив? Чудом. Может ли быть такое? В принципе?» – Этот, казавшийся ему ранее совершенно ненужным в силу своей невозможности, вопрос внезапно всплыл в мозгу Волохова, усталом, обремененном многочисленными заботами, расчетами и комбинациями. Как вспышка молнии в дождливую безлунную ночь.

«Неужели могли? А ведь вполне. Если рассуждать теоретически», – ответил сам себе Волохов и дико посмотрел на капитана Чагина, невозмутимо и буднично собиравшего папки со стола. Но тогда где он, этот Мигель? Перехитрил судьбу? С чьей помощью?

– Кто приводил приговор трибунала в исполнение?

– Лейтенант Панков.

Волохов окаменел, тупо уставился на Чагина. А тот занервничал – дрогнула в его руках стопка бумаг.

– Где же этот Панков? – особенно четко и осторожно спросил Волохов. Заколыхались белесые ресницы Чагина. В голосе Волохова он почувствовал угрозу.

– В лагере отсутствует. По причине выбытия из штата.

– Куда он выбыл? Что ты мелешь, Чагин? – прошипел Волохов. Для него уже было слишком много вопросов без ответа. И это обстоятельство подсознательно, не на шутку встревожило старшего майора госбезопасности, привыкшего ощущать дыхание опасности порами своей кожи.

– Выбыл в распоряжение управления охраны главного аппарата НКВД. В Москву.

– В какой отдел?

Чагин звякнул связкой ключей.

– Надо в журнале посмотреть. Всего не упомнишь.

– Так смотри, твою мать! Живее! – заорал на капитана Волохов, разразившись длинной, в четыре этажа, матерной тирадой. Чагин суетливо отпер сейф, достал толстый гроссбух, быстро перелистал, нашел нужную графу.

– Панков отбыл в распоряжение вашей группы, товарищ майор госбезопасности. С постановкой на полное довольствие.

Веки Волохова опустились на красные, воспаленные от хронической бессонницы глаза. Он почти физически почувствовал, как темной стеной сжался вокруг него спёртый воздух комнаты спецхрана. Усилием воли он подавил в себе страстное желание срочно покинуть замкнутое пространство, увидеть над собой небо, а не эту сырую, желтоватую штукатурку.

– Пятнадцать минут, Чагин. Все выписки отдельно. В пакет с печатью. Без регистрации. Пакет ко мне в машину. Мигом. Самолет ждет.

Перед тем, как покинуть хозяйство капитана Чагина, Волохов отправил шифровку, которая предписывала капитану Ефремову принять меры для выяснения дальнейшего служебного продвижения бывшего сотрудника секретного лагеря №0267-бис лейтенанта госбезопасности Панкова, а также специалистов НКВД, работавших в учреждении №0267-бис в июле 1940 года под началом Панкова.

Волохов понадеялся на дотошность и цепкость своего помощника. У Ефремова был особенный дар. Ему удавалось не упускать самые незначительные мелочи дела, из которых постепенно вырисовывалось нечто большее, что приводило в итоге к успеху.

Ефремов честно использовал известные Волохову агентурные связи. От проверенного источника в кадровой службе комиссариата стало известно: возвращаясь из крымского ведом-

ственного санатория, где Панков проходил курс оздоровления перед отбытием к новому месту службы, он случайно стал свидетелем и невольным участником пьяной драки в вагоне-ресторане пассажирского поезда, затеянной ударниками Новолипецкой комсомольско-молодежной стройки. Получил несколько ножевых ран и удар бутылкой по голове. Прямо с поезда находившегося в бессознательном состоянии Панкова доставили в санчасть станции Харьков пассажирский.

Панков скончался 20 июня 1941 года, как свидетельствовал акт медицинского освидетельствования, произведенного военврачом 3-го ранга Чижовой, от кровоизлияния в правое полушарие мозга через двадцать минут после госпитализации. Вследствие чего и было оформлено выбытие лейтенанта из системы органов НКВД.

Факт выбытия из органов не был доведен до сведения руководителя нового места службы лейтенанта Панкова по причине, выяснить которую Ефремову не удалось.

Глава четвертая

Товарищ Мигель

В 1939 году накануне очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Петр Николаевич Волохов в числе некоторых партийцев, отличившихся при выполнении интернационального долга в Испании, был приглашен на личную дачу Сталина в Подмосковье.

За хлебосольно накрытым столом, с сациви, кахетинским, с уткой в яблоках собралось народу немного – всего десятка три товарищей. Иначе бывало на подобных мероприятиях в Кремле.

Все ждали выхода вождя и коротали время в вежливых разговорах. Моложавый комдив Мальцев, тот самый товарищ «Падре», храбростью бойцов которого так восхищалась побывавшая на позициях под Уэской Катрин Пат, горячо доказывал простоватому с виду маршалу Ворошилову преимущества танков по сравнению с кавалерией.

Генерал Колосовский слегка улыбался, по-своему иронично расценивая горячность Мальцева. Двое конструкторов из наркомата тяжелого машиностроения и какие-то люди в новеньких отутюженных костюмах – литераторы-партийцы из Союза Писателей – смущенно улыбались, внимательно выслушивая анекдоты о франкистах. Ими так и сыпал остроумный очеркист Звонцов-Мигель.

Сталин появился неожиданно. И не из коридора, из которого, как предполагали все собравшиеся, он должен был выйти. Вождь вышел из стеклянной двери розария очень тихо. Петли двери были хорошо смазаны. Мягкие грузинские сапоги без каблучков не стучали.

Обслуги не было. Поздоровавшись со всеми за руку, Иосиф Виссарионович предложил гостям угощаться без затей и тут же налил в бокал легкого, приятного на вкус вина зеленоватого цвета, жестом приглашая последовать его примеру. Немного перекусили.

– Вы, кажется, товарищ Мигель, что-то смешное рассказывали, не стесняйтесь. Старики тоже неплохо относятся к юмору, – с расстановкой сказал Сталин, поднимая хрустальный бокал.

Мигель со вкусом стал рассказывать перченые анекдоты о похождениях прославленного карикатуриста 5-го республиканского полка Рамона Пуйоля. Сталин внимательно слушал Мигеля, посмеиваясь в усы. А потом заметил:

– Хорошей карикатурой, настоящим боевым плакатом можно смертельно уколоть грозного врага. Так прекрасная роза защищает себя терниями.

Сталин обратился к Мигелю:

– Я читал ваши статьи из Каталонии, товарищ Мигель. Вы интересно пишете. Но я понимаю, что в «Правде» не все уместается. Вот поэтому я и попросил вас приехать ко мне, чтобы вы поделились со мной и с товарищами своими личными писательскими впечатлениями. У меня к вам один вопрос: что за люди, эти каталонские троцкисты, их главарь, бандит Ромеро? Насколько тесно спелись они с фашистами Франко? Что они, вообще, из себя представляют, с вашей точки зрения?

Мигель горячо и убежденно ответил:

– Мелкие жулики, товарищ Сталин. Можете поверить моему большевистскому сердцу. Трусливые, мелкие жулики. И только.

Сталин внимательно посмотрел на Мигеля, встал и принялся молча ходить взад-вперед по комнате, остановился перед огромным, во всю стену, забранным в мелкий переплет окном в сад. Волохов заметил, как Ворошилов, когда Сталин оказался к нему с Ромеро, осуждающе покачал головой в сторону Мигеля – мол, не то, парень, говоришь.

Мигель сверкнул стальной оправой круглых очков-рондо, поспешил исправить сложное положение. Он говорил многословно, но не менее горячо, чем прежде:

– Я хочу быть правильно понятым, товарищ Сталин. Когда я говорю – «мелкие жулики», я имею в виду, что после разгрома их выступления в Барселоне, на суде, на допросах эти предатели-троцкисты вели себя как мелкие жулики. Они не защищали свою идеологию. Обманули свой народ, каталонских рабочих, ввергли в бойню на баррикадах, а теперь боятся отвечать за преступление. Они все сваливают на Троцкого и Франко с Гитлером. Тактика мелких жуликов. Но если присмотреться к ним, проследить, как они общаются друг с другом, приходишь к выводу, что они, конечно, незаурядные и сильные личности. Ромеро, например, безусловно, очень умный человек, масштабно мыслящий, это чувствуется. Это признали и его следователи, и его адвокаты. В принципе, Ромеро и его подручные – все они довольно талантливые специалисты в области искусства организации вооруженного восстания...

Сталин остановился у своего места, выслушал монолог Мигеля внимательно и сказал:

– Вот теперь вы правильно говорите, товарищ Мигель. Одно дело поведение на допросах и в суде, а другое – их внутреннее содержание. Вы знаете, сколько сил мы положили на то, чтобы не допустить смычки предателей троцкистов с профашистскими силами на Пиренеях?

– Точно не знаю, но предполагаю...

– Вы, конечно, предполагаете верно, товарищ Мигель. Я верю в вашу искренность. Вы – мастер пера, инженер человеческих душ, и ваша ошибка нам обошлась бы очень дорого.

Мигель сокрушенно вздохнул. Сталин подошел к писателю, положил свою маленькую желтую руку на его плечо. Вождь говорил проникновенно и мягко.

– А то что ж получается? Если мелкие жулики создали нам такие трудности, то кто же тогда мы сами? Мы и коммунисты Испании принесли огромные жертвы, чтобы попробовать вырвать у мировой контрреволюции победу, а оказывается, воевали-то против ничтожных, мелких людишек, которые и командовать-то не умели своими силами. Барселонские троцкисты, конечно, негодяи и преступники. Но преступники, обладавшие не только влиянием и силой, но и умевшие принимать смелые и неожиданные решения. Не надо забывать, что, прежде чем пойти против нас, они легко, почти играючи, мобилизовали на свою сторону пролетариат Каталонии. Это же говорит о чем-то! Так что впредь не ошибайтесь. Прислушивайтесь к вашему большевистскому сердцу внимательнее.

– Постараюсь, товарищ Сталин!

– Вот и славно.

Удовлетворенный, Сталин задал Мигелю еще несколько вопросов и, поблагодарив, предложил выпить за будущую всемирную победу социалистической революции.

Потом, хорошо помнил Волохов, после приема, Ворошилов провожал Мигеля до автомобиля, который поджидал писателя во дворе сталинской дачи.

Волохов заметил, как Ворошилов с чувством пожал Мигелю руку и шепнул вполголоса:

– Молодец. Все правильно сделал, успел.

В конце приема поразила Волохова последняя сцена. Сталин встал из-за стола. Вышел в сад. Но скоро вернулся. Он держал в руках два букета роз: красных и белых. Белые розы он вручил Колосовскому. А красные – Мигелю.

Через несколько месяцев Мигель был арестован. Его обвинили в шпионаже в пользу Англии и Германии одновременно.

Волохов узнал об этом случайно. От Берии, который вызвал его для того, чтобы поручить руководство оперативно-аналитической группой специального назначения НКВД СССР. И поздравить с орденом Боевого Красного Знамени, которым партия и правительство отметили заслуги чекиста Волохова в борьбе против франкистов на Пиренеях.

Разговор с Лаврентием Павловичем в памятный декабрьский день 1939 года был доверительным. Берия хвалил Волохова за сметливость и сообразительность, за находчивость в труд-

ной работе разведчика-чекиста. Поздравил с высокой правительственной наградой и высказал надежду, что партия по справедливости оценит будущие успехи Петра Николаевича. Говорил Берия о задачах аналитической группы. О направлениях деятельности. О первоочередных задачах.

И тут же, как бы в контексте сказанного, Берия посетовал: глубокое влияние оказал испанский троцкизм на многих товарищей из СССР, принявших участие в событиях на Пиренеях. Берия назвал некоторые имена. Поинтересовался мнением Волохова о названных лицах. Волохов дал ответ, какой, он знал это, ждал от него Берия.

Имя компаньера Мигеля, представлявшего в Барселоне советскую журналистику и с деятельностью которого Волохов был знаком слишком хорошо, Берия назвал в конце разговора. В Москве у Мигеля было другое имя – звучная, красивая фамилия Звонцов, которая не имела ничего общего с его фамилией настоящей. Это был писательский псевдоним.

Мигель придумал его себе еще в двадцатых годах, когда подрабатывал в одном из бульварных одесских листков криминальным репортером. Тогда он довольствовался грошовым заработком провинциального сочинителя. Скучных доходов порой не доставало на новые башмаки. На исходе тридцатых изобретенная бывшим репортером громкая фамилия уже красовалась под статьями и очерками, которые печатали центральные партийные газеты, наводнявшие Советский Союз миллионными тиражами.

Мигель читал лекции на курсах подготовки идеологических работников ВКП (б), в партшколах, в университетах, институтах. Выступал даже перед членами правительства в Кремле, где его пламенному красноречию внимал сам товарищ Сталин.

Заметки, которые Мигель собрал в книгу, посвященную событиям гражданской войны на Пиренеях, ежедневно читали по Всесоюзному радио. Проезжая по московским проспектам, Волохов слышал доносившиеся из неумолкавших весь день репродукторов названия знакомых мест, ставших полями сражений в окрестностях Барселоны.

Заговорив о Мигеле, Берия вспомнил о почти списанной в архив операции с барселонским золотом. В голосе Лаврентия Павловича слышались жесткие нотки.

Оперативная информация не исключает, отметил тогда Берия, товарищ Мигель вольно или невольно совершил непростительную ошибку.

«Он слишком близорук», – сказал Берия. Волохов понимающе кивнул головой: Мигель постоянно носил очки с мощными линзами. Но Берия тут же, оценив невольный и своеобразный юмор сказанной им фразы, уточнил:

– Мигель оказался близорук политически. Он слишком увлекся играми в шпионов. Был слишком самостоятельным.

– Что вы имеете в виду, Лаврентий Павлович? – Волохов отважился пойти напролом и обойтись на сей раз без эзоповских изысков.

– Он, как ни странно, поддерживал тайный контакт с гестапо и абвером. Ты, дорогой Петр Николаевич, почитай потом, у себя, документы. Чекисты из группы Рафальского всё подобрали правильно.

Берия подал Волохову еще одну папку, набитую бумагами.

– А тут данные из самых надежных источников. От нашей резидентуры в Берлине. Есть еще косвенные данные в материалах дела перебежчика Орлова. Всё против Мигеля. Самое печальное выяснилось: Мигель пользовался зачем-то тайными каналами Троцкого для переправки стратегических разведывательных сведений и денег на Запад через Прибалтику.

Берия сокрушенно вздохнул, словно у него в толпе из кармана извлекли бумажник с месячным жалованьем, и подвел итог сказанному:

– Вот такие у нас, батоно Петр, завелись корифеи на литературной ниве. Изнутри подгрызают Советскую власть.

Волохов вздохнул...

Шеф госбезопасности всплеснул руками:

– Пришлось арестовать. Что поделать. Факты – штука упрямая.

Молчали с полминуты. Лаврентий Павлович испытующе посмотрел в глаза Волохова, спросил?

– Может, у тебя Петр Николаевич, есть другие сведения? И мы не правы? Погорячились? Скажи, если что не так. Не стесняйся. Ведь Мигель был твоим другом. Кто ж его знал лучше, чем ты. Есть у тебя факты, опровергающие все это?

Берия кивнул на папки, лежавшие перед Волоховым.

Пётр Николаевич выдавил из себя. С трудом.

– Никак нет, Лаврентий Павлович.

За Мигелем, перед тем, как арестовать, наблюдали на протяжении нескольких месяцев. Волохов смог узнать об этом, собрав кое-какие данные через своих людей в наркомате. Ежедневные сводки фиксировали списки лиц, с которыми встречался Мигель по службе, по частным поводам.

Среди знакомых Мигеля были высшие командиры Красной Армии, советские и партийные работники, светочи советской науки и представители дипломатического корпуса, в том числе и сотрудники германского посольства.

Многим Мигель дарил свою последнюю книгу – сборник очерков о гражданской войне в Испании. Непосредственных данных о сотрудничестве Мигеля с иностранными разведками чекисты за эти несколько месяцев выявить не смогли.

На допросах, как сообщали Волохову его знакомые из следственных органов, поначалу Мигель отмалчивался. После применения спецсредств разговорился.

Шпион-троцкист Звонцов, он же Мигель, на контакт со следователями не шёл, не выдавал имен завербованной агентуры, явок, каналов передачи материалов вражеским разведкам. Держался стойко, несмотря на суровые методы воздействия со стороны сотрудников следственного аппарата.

В камере предварительного заключения, как вскоре увидел Волохов, был уже иной Мигель. Не тот самоуверенный и легкомысленный интеллектуал-романтик, готовый на любое рискованное, самое отчаянное дело. Популярный автор газетных и журнальных очерков о сильных духом борцах за пролетарское счастье, любимец советской молодежи и прочих классово сознательных слоев населения пропал, исчез в прошлом, растворился. Вместо него по коридорам домзака шаркал, придерживая штаны без пуговиц, кто-то другой, незнакомый Волохову тип.

Летом сорокового Волохов наблюдал за Мигелем из крытой галереи во дворе спецтюрьмы НКВД. Июньская жара, духота, раскаленная тюремная пыль. Ни капли воды. Выжженный солнцем тюремный двор, набитый зэками. Команда «руки вверх».

Часовой с карабином наизготовку ходил по галерее наверху, вдоль периметра стен. Следил, чтобы зэки не опускали рук. Врагов народа предупредили: охрана стреляет на поражение в случае нарушения правил прогулки.

Рук опустить было невозможно. Даже при сильном желании. Зэки стояли сбитые в плотную кучу, согнанные во двор в нарушение всех мыслимых нормативов так, что и яблоку не упасть. Нет, не на людей, скорее на тени походили они. Масса, страшно вонявшая человеческими испражнениями, тюремной грязью, потом. Худые, голодные, лишённые сна, воды, надежды, веры. Сонм отверженных в чистилище.

Сверху, с площадки, установленной над накрывавшей двор сеткой, Волохов видел лицо Мигеля. Пергаментно-желтое, почти оранжевое, будто вылепленное из глины. По впалым щекам струился ручейками ржавый пот.

Пётр Николаевич подумал, что незачем было приходить сюда, в тюрьму. Мигелю он ничем не помог. Проявлять участие к судьбе Звонцова было смертельно опасно. А Волохов не желал стать самоубийцей. Зачем?

Мигель сломался на седьмом месяце напряженной работы следователей-чекистов. Он подписал чистосердечное признание в антисоветской деятельности, раскаялся.

Незадолго до суда над Звонцовым-Мигелем Волохов решил все-таки пойти к Лаврентию Павловичу. Чтобы попытаться убедить его в том, что Мигеля подозревали напрасно, что он никакой не враг, а преданный партии и правительству боец идеологического фронта.

Пётр Николаевич так и не сказал Берии ни слова о Мигеле. Хотя в те месяцы, на протяжении которых длились допросы его бывшего друга и соратника, шесть раз докладывал Лаврентию Павловичу о состоянии агентурной сети в Прибалтике и Восточной Пруссии. А потом любые разговоры стали просто бесполезны – стало известно, что дело Звонцова закрыто. А сам Мигель расстрелян в «хозяйстве Чагина».

Был Мигель врагом или нет? Петр Николаевич в душе хотел верить в его невиновность, в преданность делу партии и Сталина. Оклеветанная жертва чужого подлого доноса. Вот кем был на самом деле Звонцов. Но не предателем, изменившему пролетарской Революции.

Тысячу раз, вспоминая Мигеля, Волохов убеждал себя в этом. И каждый раз сомнение клещом впивалось в душу. А что, если и правда – враг? Классовая борьба беспощадна. А человек слаб. Не устоял парень перед золотым соблазном. Жидковат оказался.

Волохов был уверен, что связь с троцкистами, участие в заговоре против партии, все эти страшные преступления, которые вменялись в вину Мигелю, были всего лишь прикрытием главного.

На самом деле арестовали Мигеля исключительно из-за золота. Испанского золота, изъяттого из барселонского банка. Всё остальное ему простили бы. Его писательский талант ценили вожди.

Переправка ценностей из Барселоны в Одессу на подводной лодке осуществлялась при участии Мигеля. Звонцов смог уговорить главаря анархистов Андре Ромеро передать слитки представителям Испанской Республики добровольно. На дипломатическую ловкость Мигеля, на его красноречие и умение быстро решать подобные проблемы рассчитывал резидент Орлов. И Мигель справился, выполнил приказ Орлова. Как оказалось – формально.

Сто двадцать девять золотых слитков вывезли летом 1937-го в пещеры на побережье у Таррагоны. Волохов видел эти слитки. Видел, как в бухте неподалеку от пещер покачивался на волнах катер. На нём слитки предполагалось перевезти на подводную лодку «Астурия», прибывшую к безлюдному берегу в точно назначенный час.

Погрузкой руководил Мигель. Он быстро выстроил цепочку из плечистых бойцов охраны грузовика. Парни перебрасывали пятикилограммовые слитки на катер так, словно грузили цементные блоки или кирпичи. Они знали, что так поспешно перебрасывают на катер. Смуглые и жизнерадостные солдаты-испанцы шутили. Мол, грузят фрукты, которые не растут на деревьях.

Волохов подумал, что зря он считал Мигеля скверным конспиратором. Без сомнения, он крепко ошибался и насчет организаторских способностей Мигеля. Операция по вывозке золота из барселонского отделения Госбанка прошла на редкость удачно. Без перестрелки, без истерии.

Мигель с невиданной легкостью, виртуозно проделал трудную работу: склонил Ромеро к решению передать золото министерству финансов, в Мадрид, в обход руководства барселонских анархистов.

Ромеро, вопреки ожиданиям Волохова, согласился безапелляционно, даже не оговорив комиссионных за помощь при проведении операции. Андре, безусловно, рисковал. Он мог вполне пострадать от своих: барселонские анархисты располагали неплохой контрразведкой.

С предателями анархисты разбирались сурово. Стреляли в затылок перед строем или закапывали живьем в прибрежный песок.

Какими аргументами пользовался в беседе с Ромеро Мигель – осталось для Волохова неизвестным, но слова оказывались всего лишь словами, если не превращались в дела. Дело же было фактически сделано.

Через пять часов после прибытия грузовика к пещерам подлодка «Астурия» вышла в море с драгоценным грузом на борту, взяв курс на Картахену. В этом порту золото испанской республики грузили на пароходы для переправки в Одессу: республиканцы рассчитывались с правительством СССР за поставки танков, самолетов, амуниции и стрелкового вооружения.

Непредвиденное скорее всего случилось при переправке ценного груза. Не исключено, что не в Испании, а уже в Союзе. Мигель даже и не мог знать, что советские финансисты чего-то недосчитались. Потребовался козёл отпущения, чтобы прикрыть чью-то руководящую плешь.

Начальство списало упущение на журналиста Мигеля. Как на самого беззащитного. Его просто использовали. «Зря все-таки он связался с нашим делом», – думал Петр Николаевич. Писал бы себе очерки. Не лез на рожон, сломя голову. Не бросался за приключениями. С огнем играть опасно. Обожжет шкуру. Начерно.

Волохов использовал свои агентурные связи для выяснения целостности груза, прибывшего из Барселонского банка. Сведений о пропаже части золота не обнаружилось. Официально. А неофициально?

Не было людей, которые могли бы ответить на этот вопрос. Разве Андре Ромеро? Пьянчуга и яростный неподкупный романтик? Но где он? Потерялся в горах.

Андре не объявился в Париже после той ночи в Пиренеях. Прощальной ночи. Будучи проездом в Париже осенью 1937 года, Волохов искал Ромеро. Но разветвленная агентурная сеть советской разведки такого человека в Париже не обнаружила. Ромеро пропал.

Находясь в Москве и не отрываясь от трудной и ответственной работы, Волохов не мог выйти на след Андре. А жаль. Очень жаль. Анархист Ромеро, Волохов верил в это, мог бы многое прояснить.

Обо всем этом Волохов много размышлял по дороге из аэродрома. Поздним вечером 17 июля, возвратившись в кабинет после вылета в «хозяйство Чагина», Волохов вновь извлек из секретного отдела своего массивного сейфа папку номер шесть.

Острые красного карандаша блуждало по пропечатанным на карте ниткам дорог в предгорьях испанских Пиренеев, у пригородов Барселоны. Волохов высчитывал расстояния между различными пунктами, словно эти просчеты могли ему помочь найти утвердительные решения, подтвердить или опровергнуть мучившие его предположения. Он исписал цифирью целую четвертушку бумаги. И только потом сообразил, что его арифметика бессмысленна. Подсознание не подбрасывало ничего, кроме воспоминаний.

Глава пятая

Анархист

На одиннадцатом, последнем, этаже отеля «Тэйлор» вдоль фасада шел узкий выступ – бетонное, слегка покатое архитектурное излишество шириной не более полуметра, без перил и ограждений. На выступе, над городскими огнями домов и реклам, над заревом далекого, все сильнее разгоравшегося пожара в порту, стоял человек в развевавшемся плаще. Он размахивал беретом и выкрикивал нечто чрезвычайно звучное, грассируя и содрогаясь всем вытянутым в струну телом. Нетрезвый Ромеро никак не желал угомониться.

У раскрытого огромного стеклянного окна жался к стене нервный администратор и кое-кто из постояльцев. Увешанный гранатами блондин с голубыми умными глазами – боец немецкой интербригады – напряженно прислушивался к возгласам вещавшего на выступе человека.

– Густав, что он там кричит? – флегматично спросил блондина по-немецки его товарищ, бледный, осунувшийся крепыш в коричневом комбинезоне. Такую форму носили ополченцы под Уэской, механически отметил Волохов, пытаясь разобрать речь Ромеро.

– Кажется, он читает стихи, – сказал крепыш.

– Что за чушь? Ведь идёт война, Пауль.

– Не знаю, Густав. Кто поймет этих испанцев. Они почти сумасшедшие. Режут марроканцев и читают стихи. Революция.

Волохов различил слова, которые швырял в вечеряющее барселонское небо Андре Ромеро. Это были стихи Федерико Гарсиа Лорки, недавно нелепо убитого франкистами. Ромеро читал сонеты.

Я боюсь потерять это светлое чудо,
что в глазах твоих влажных застыло в молчанье,
я боюсь этой ночи, в которой не буду
прикасаюсь лицом к твоей розе дыханья...
Если клад мой заветный взяла ты с собою,
если ты моя боль, что пощады не просит,
если даже совсем ничего я не стою, —
пусть последний мой колос утрата не скосит
и пусть будет поток твой усыпан листвою,
что роняет моя уходящая осень.

– Отработанный репертуар, – устало по-французски заметил Мигель Волохову..

Трое каталонских крестьян-ополченцев, неизвестно откуда взявшиеся в дорогом фешенебельном отеле «Тэйлор», перемотанные крест-накрест пулеметными лентами сурово зыркнули на Мигеля из-под своих войлочных шляп.

«Ах, да, каталонский похож на французский. Обиделись, черти, – решил Волохов, заметив как ополченцы горячо заплодировали и закричали грубыми прокуренными голосами: «Брависсимо!», когда Ромеро закончил чтение еще одной строфы. Оглянувшись на них, поджал губы и одобрительно закивал немец Пауль.

– Это уже слишком. Он меня совсем утомил. Пожалуй, я завалюсь на сегодня спать. Скоро десять. А завтра, с утра, нам выбираться на позиции к Падре. Я не выплусь, – откровенно, ничуть не опасаясь конфликта с восторженными каталонцами, зевнул Мигель.

С лестницы раздался цокот каблучков. Волохов увидел, как в маленьком круглом зале, где становилось все и больше народу, появилась Катрин. С ее плеча свисал домотканый плед, какие делали на заказ и продавали в горах у Пико де Аннета крестьяне. Катрин протискива-

лась сквозь толпу поближе к раскрытому окну. Она смотрела вперед и только вперед, ничего не замечая вокруг себя.

Она прошла мимо Волохова, и Пётр Николаевич вновь уловил аромат ее терпких и дорогих французских духов. И локон растрепанной прически Катрин чуть-чуть задел мочку его уха.

Волохов хотел окликнуть Катрин, но передумал. Это было ни к чему. Бесполезно. Окликнуть и что потом? Пустые, необязательно вежливые слова, отнюдь не напоминающие строфы великого Лорки. Только это он и мог предложить Катрин? Всего-то.

Пётр Николаевич представил себе поезд, в котором он с трудом добирался весной тридцать седьмого из Мадрида в Барселону.

На всем пути из столицы Испании в столицу Каталонии в перегруженный поезд ломились крестьяне с корзинами, наполненными доверху овощами, с вязанками хвороста, с домашней птицей в подпрыгивавших на полу мешках.

Угрюмые, недисциплинированные и оборванные солдаты республиканских центурий в верёвочных сандалиях на босу ногу, гремя патронташами и древними дробовиками, пытались пробиться к вагонным площадкам, проклиная фашистов и республиканское правительство одновременно. Они горланили республиканские песни и размахивали красно-черными флагами анархистов, щедро угощали попутчиков крепкой анисовой настойкой, которую все пили прямо из оплетенных бутылок, передавая их из рук в руки.

Рядом с Волоховым, удобно устроившись на заплеванном полу, дочерна загорелый, курчавый паренек, обмотанный пулеметными лентами, травил байки из окопной жизни трем крестьянам, разинувшим от удивления рты.

Средний, похожий на Дон Кихота, высушенный солнцем виноградарь то и дело хватался за седую редкую бородку, вскрикивал, негодуя или одобряя в зависимости от поворота сюжета рассказчика. Он частенько развязывал большой бурдюк с тяжелым бордовым вином и потчевал им – стаканчик за стаканчиком – словоохотливого парня.

Ощущение полнейшего счастья, бескорыстного братства, доверия и свободы.

Освободиться от него Волохов не пытался. Это шемящее душу чувство владело им до самого конца пути. Когда поезд миновал Сабадель и остановился в Барселоне, шумные пассажиры покинули его, и Пётр Николаевич очутился в городе, который он не узнал, ощущение свободы и братства испарилось, будто его и не бывало.

«Так и с женщинами, нечто похожее. Сначала вырастают крылья. А потом тебя бьёт о скалы, мордой о гранит. Свобода и неволя. И нет выбора. Всего лишь расплата и горечь. Пошло? Как сказать. И в каких обстоятельствах», – усмехнулся Волохов.

Он взял из папки номер шесть белый конверт. Помедлил. Раскрыл. На белом листе бумаги блеснули две шпильки. Единственное, что осталось в его жизни от Катрин. Если не считать мыслей о прошлом. И шемящей тоски, которую Волохов старательно гасил то работой, то стаканом армянского коньяка.

В тот вечер, незадолго до того, как пьяный Андре вздумал чудить на карнизе последнего этажа отеля «Тэйлор», рискуя сломать себе шею, Волохов отчаянно приревновал Катрин.

Мрачный чернобородый и плечистый Андре Ромеро швырял в официанта мятыми купюрами, сорвав с бутылки пробку зубами. Официант взмахнул перед испанцем несвежим полотенцем и что-то возмущенно заорал по-каталонски.

Этот диалект испанского был похож на французский. За годы работы в Париже Волохов прекрасно освоился с разговорным французским. Он понимал язык коренных барселонцев и даже пытался подражать местному выговору.

– Они отменили чаевые. Я вчера сам попался, когда протянул швейцару песету, – засмеялся Петр Николаевич. – Дежурный по холлу долго отчитывал меня. Напирал на мою классовую несознательность.

Катрин задорно тряхнула русой челкой и, покуривая длинную пахитоску, рассеянно заметила по-французски:

– Андре снова напьется.

Она коснулась мизинцем циферблата изящных дамских часиков и добавила:

– Скоро девять вечера. В это время Ромеро не бывает трезвым. Уже четвертый день.

– Разве в приличном обществе принято поливать грязью героев революции?

– Андре не обидится. Он – отличный товарищ. Верный и надежный.

– Тебе это известно не из первых рук. Надеюсь? – проворчал Волохов. С Андре Ромеро личного знакомства он пока так и не завел.

В Барселоне Волохов появился недавно. Но он уже был наслышан о Ромеро от друга Мигеля, московского журналиста, проживавшего в номере по соседству с Волоховым. Мигель помогал в работе и часто по необходимости делился с Петром Николаевичем местными новостями.

– Это профессия, Пьер. Не хуже и не лучше твоей. И твоего друга Мигеля, – невозмутимо заметила Катрин.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что ты и так прекрасно знаешь. И что знают многие, кроме меня. Включая людей из немецкой интербригады.

Катрин затаилась пахитоской. Волохов наблюдал за ее тонким профилем. Веселые искорки вспыхнули в седом табачном пепле. Внезапно Катрин обернулась.

В зале, у столика, за которым сидел Ромеро, вновь зазвенели стаканы. Вспыльчивый официант попытался отнять у Андре бутылку. Анархист грубо оттолкнул его. Официант едва не отлетел к другому столику. Разгоралась ссора.

– Странно.

– Что?

– То, что Андре мог бы перестрелять их всех. Обычно маузер всегда при нем, – задумчиво сказала Катрин. Белые кольца табачного дыма повисли над Катрин: серия чинно растворявшихся в сизом воздухе ресторана нимбов.

– Оказывается, ты и это знаешь? – подозрительно спросил Катрин Волохов.

– Знаю.

– Откуда?

Катрин оставила вопрос без внимания, сделав вид, будто с интересом наблюдает за развитием событий в зале. Но там уже не было ничего интересного. Ромеро стремительно накачивался алкоголем.

Андре орудовал у стойки бара. Завладев пузатой бутылкой, он выстроил перед собой в шеренгу стаканы и стал аккуратно наполнять до краев мутноватой жидкостью. Волохов недоуменно охнул:

– Зачем он лакает эту гадость? Испанское перно. Тут полно прекрасного коньяка.

– Нет, он положительно напьется... – Катрин втянула в легкие еще одну порцию табачного дыма.

– Слушай, Катрин, мне плевать, напьётся сегодня твой Андре или нет, – Волохов легко оттолкнул стоявшую посередине стола пепельницу. – Откуда ты знаешь, что у него нет при себе маузера?

– Это смешно, Пьер.

– Что?

– В тридцать лет ты так и не смог научиться ревновать. Всерьёз.

– Иногда я не понимаю тебя, Катрин. Совсем ни черта не понимаю.

– Да, пора звать Мигеля, милый. Скоро Андре будет неуправляем, как атака марокканской кавалерии.

– Что ж, пойду за Мигелем, – вздохнул Волохов. Только Мигель способен уговорить строптивного каталонца отправиться сначала в душ, а потом в спальню на отдых. В подвале «Тэйлора» была автономная котельная. Горячая вода подавалась в номера круглые сутки и без перебоев.

– Подожди. Я пойду с тобой. – Катрин погасила пахитоску. Из хрустальной пепельницы выросли полупрозрачные сизые протуберанцы.

Поднимаясь по ковровой дорожке на третий этаж, где находился номер Мигеля, Катрин опиралась на руку Волохова, перепрыгивая порой сразу через две ступеньки. Петр Николаевич старался не отставать от нее.

Шлейф терпких французских духов Катрин смешивался с ароматом дезодорированного холла. На площадке третьего этажа Катрин остановилась и перевела дух. Она немного устала, слегка покраснелась.

– Ты что-то хотела сказать?

– Да. О розах. Твой букет я подарила. Прости.

– Вот как? Кому же. Если не секрет?

– Горничной. И... пожалуйста, не присылай мне больше... этих роз. Ни белых. Ни красных. Не надо.

– Хорошо. Я пришлю лилии. Тебе понравятся лилии? На углу в двух кварталах от Касса Мила я знаю отличный магазинчик. Он еще работает. Даже под бомбежкой.

– Нет, лилий тоже не надо. Лилии вплетают в венки на катафалки. Даже когда хоронят рабочих. Их слишком много теперь. И потом... Лилия – это не по-республикански.

– Крокусы. Лиловые или нежно-кремовые.

Катрин улыбнулась. Солнечный луч, преломленный витражным стрельчатым окном отеля, упал на нее сверху, вписав ее стройную фигуру в золотой световой конус.

Катрин коснулась узкой холодной ладонью щеки Волохова и сказала:

– Хорошо, милый, пусть будут крокусы.

Она помедлила и проронила через несколько долгих, почему-то показавшихся Волохову вечными, мгновений.

– Пойдем, Пьер, иначе все будет напрасно. Мы опоздаем.

До знакомства с Андре Катрин была совсем другая. Волохову нравилась смешливость девушки-говоруны, сыпавшей остротами и никогда не задумывавшейся дольше трех секунд над едкими сатирическими фразами, которыми она клеймила злодеяния фалангистов в репортажах для демократического еженедельника.

Он угощал её кофе с миндальными пирожными, тратился для Катрин на дорогие контрабандные сигареты (франкисты захватили Канарские острова, итальянцы блокировали порт, и табак стал дефицитом).

Она вышучивала его неловкие попытки ухаживания, вышучивала мило, мягко и ласково, стараясь всерьез не задеть самолюбие Волохова. Немного наивная, слегка циничная, задиристая, Катрин не теряла оптимизма.

Да, она была именно такой. До пятницы прошлой недели, когда состоялась поездка в Барселонетту. После, так показалось Петру Николаевичу, Катрин резко изменилась. В её остротах стало больше резкости, яда, отчаянной решимости противоречить очевидному.

... В ту пятницу они прогуливались по набережной неподалеку от грузового порта. Прямо под козловыми кранами играли дети. Отсюда начинался белый песчаный пляж, у края которого разместились десятки крошечных кабачков. Стулья выносились прямо на песок. Их ножки под тяжестью людей, собравшихся отведать традиционные блюда – сарсуэлу или паэлью марискада, погружались в зыбучий горячий песок.

Офицер в опрятном оливковом мундире, перехваченном в поясе лаковым ремнем, на котором висел в кобуре автоматический пистолет, вежливо улыбнулся и отдал честь. Он был совсем юн: на вид лет восемнадцать, не больше. На набережной таких молодых и веселых, вежливых и улыбочивых юнцов в новенькой офицерской было много. Военные училища республики неустанно поставляли командные кадры. В Барселоне говорили, что теперь на десять ополченцев приходится не менее одного новоиспеченного офицера. Но молодые командиры не спешили на фронт под Уэску. Они фланировали по набережным с семи до девяти вечера.

– На фронте такой пистолет редкость, – сказал Волохов Катрин Пат.

– Этим ребятам пистолеты не нужны, они сражают женщин взглядом, – Катрин задорно тряхнула русой, неровно постриженной челкой. – Море сегодня сверкает, посмотри, Пьер.

Солнце слепило. Волохов заслонился от него ладонью, чтобы взглянуть на простирившееся до горизонта море. Далеко-далеко, там, где сливались небо и вода, мелькнули черные дымки. Грузовые пароходы еще заходили в Барселону. В основном они прибывали из Франции, из Марселя.

Внизу у песчаного пляжа хозяева рыбацких кабачков тушили в огромных противнях, поставленных на угли жаровень, рыбу и прочие «фрутте дель маре». Из киношки, вход в которую был теперь свободный, волнами выкатывался гомерический хохот. Наверное, давали какую-нибудь голливудскую комедию с Чарли Чаплином или Бастером Киттоном.

– Зайдем? – Предложил Волохов Катрин.

– Почему нет?

Они оказались в толпе каталонцев перед большим экраном. Показывали не кинокомедию. Это был советский фильм про героизм и самопожертвование пограничников. Басмачи разгромили заставу в горах. Уцелевшие красноармейцы, прижатые к реке, отстреливались до последнего патрона и решили спастись вплавь. Что-то подобное Волохов видел не в кино, в настоящей жизни, когда у перевала Талдык ликвидировали банду Джунаид-хана.

Каталонцы, очевидно, не принимали фильм всерьёз, изо всех сил аплодировали героям киноленты, бросившимся в бурный поток. Зрители одобрительно смеялись, заранее подозревая, что герои не могут не спастись.

Когда из реки выбрался только один уцелевший, каталонцы примолкли, но потом захлопали в ладоши еще отчаяннее, ожидая, что вот-вот спасутся и другие. Из реки не выбрался больше никто. Это обстоятельство вызвало новую волну смеха, зрители поняли, что герои фильма решили перехитрить врагов и выйти на сушу в другом, более подходящем месте.

Волохов и Катрин не узнали, что случилось далее с киношными пограничниками, потому что начался обстрел.

Дымки, которые различил у горизонта Волохов, вырывались из труб итальянских крейсеров. Морские орудия били по городу, жители которого старались не обращать на войну серьезного внимания. О войне каталонцам напомнили итальянские пушки. Ритмично завывая, крейсера посылали смерть к берегу, усыпанному белыми вилами, апельсиновыми рощами, переполненными кафе, кино, ресторанами.

Выли сирены. В ответ крейсерским орудиям заработали пушки береговой обороны. Над Барселонеттой повис мрак, вогнавший белоснежный веселый пригород в ночь.

Волохов и Катрин бежали вдоль пляжа, почти по белым барашкам начинавшегося приобоя. В квартале за козловыми кранами вой сирен перекрывал грохот взрывов.

На носилках санитары тащили раненого мальчика. Женщина дико закричала, заломила руки и бросилась вверх по лестнице, сложенной из плит известняка.

Республиканские гвардейцы палили в море из винтовок. Между ними расхаживал чернобородый человек в берете, сдвинутом на затылок, в рваном плаще. Он тоже палил в море из маузера и неистово бранился. Это был анархист Андре Ромеро

А потом Катрин увидела Андре Ромеро на позициях под Уэской. Он прибыл туда вместе со своим отрядом. Бойцы в кожаных пилотках, в темных рубашках с красно-черными повязками на рукавах шумно располагались в сырых окопах второй линии, раскладывали в нишах окопов самодельные гранаты и обоймы.

Анархист Ромеро охотно пригласил на свои позиции в горах группу журналистов. Он часто приглашал писательскую братию, которая проживала в шикарном барселонском отеле «Тэйлор», в свой отряд. Ромеро любил красоваться на первых страницах газет. Любил, чтобы о нем говорили, писали. Все равно как – плохо или хорошо.

Гости, увешанные фотокамерами, дружно кивали, хлопали в ладоши, радовались. Они благодарили анархиста за возможность добыть неплохой материал для очередного репортажа, ударили Ромеро ладонями по плечам, хохотали, кричали «Но пасаран!». Правда, все это происходило в ближайшем тылу. А до передовых окопов добирались единицы. Мало кому нравилась перспектива получить франкистскую пулю в лоб.

Вот и на этот раз в окопы вместе с Ромеро пошли немногие: старик-бельгиец, бойкий француз из «Юманите», двое русских – Мигель и Волохов, а с ними Катрин Пат. Наивный старик плохо слышал, он почему-то предполагал, что группа отправляется на пикник. Бельгиец сильно огорчился, увидев после двух часов тряски в пыли по горному серпантину вместо уютной зеленой лужайки глинистые холмы брустверов, заваленные ржавыми консервными банками и высохшим человеческим дерьмом.

В котловине между гор ветер разносил по склонам мелинитовый дым из свежих воронок, оставленных в каменистом грунте разорвавшимися трехдюймовыми снарядами. Лихими шмелями посвистывали шальные пули.

«Пули хоть и шальные, но покойники обычно на них не жалуются», – серьезно заметил Ромеро. И тут же добавил, что, мол, пробивная сила у них неплохая. Франкисты обеспечены настоящими манлихерами и пистолетами-пулеметами Томпсона. И дыры в черепах получаются внушительные. Нестыдно показать труп с такой пулей в башке и на первой полосе газеты.

От слов анархиста заметно заскучал старик-бельгиец. Катрин Пат озорно подмигнула Волохову и стала что-то с бешеной энергией зарисовывать в пухлом блокноте, который она прихватила из «Тэйлора».

Пробираясь по ходам сообщений к наблюдательному пункту товарища Падре, Волохов понял из обрывков фраз бойцов интербригады, что попали они на позиции вовремя. Ожидалась атака марокканской кавалерии. Не исключалась возможность того, что кавалерию фаланги поддержит бронетехника.

Обычно, успел узнать Волохов, марокканцы наступали беспорядочно развернутой лавой, спешили за полкилометра от цели атаки. Они разворачивали стрелковую цепь под прикрытием пулеметов, имея на флангах итальянские танкетки «Фиат».

– Так примерно и будет и теперь, – сказал прибывшим на НП журналистам командир интербригады товарищ Падре. – Только вы держитесь поближе к дну окопов. Ненароком зацепит. С медикаментами у нас скверно. Йода совсем нет. И бинты на исходе.

Волохов узнал в команданте Падре, облаченном в испанский френч, комдива Мальцева. Республиканская беретка нисколько не изменила его. И выглядел Мальцев точь-в-точь, как на фотографии, виденной Волоховым на первой полосе «Красной звезды». В текстовке к фотографии говорилось о приграничных боях на заставах в Туркестане. Номер недолго ходил среди бойцов отдельного отряда, пока его не разорвали на самокрутки у памирского перевала Талдык.

– Вы случайно медикаментов не захватили? – с надеждой спросил товарищ Падре, обратившись к Катрине Пат. Очевидно, он принял её за представительницу Красного Креста.

– Нет, что вы. Я как-то не подумала, – покраснела Катрина, смущенно пряча блокнот в полевую сумку.

– Жаль, пригодились бы, а то сейчас начнется, – разочарованно сказал Мальцев. Он прильнул к окулярам бинокля. Будто в доказательство его уверенных слов перед линией окопов у дальних бугров (это было отчетливо видно даже невооруженным взглядом) зашевелилась пыльная полоса.

– Марокканцы, – просто сказал Мальцев, передавая бинокль Волохову. – Сейчас они с нас шкуру сдирать будут.

Марокканцы действовали под прикрытием батареи, которая вела редкий огонь, который не прекратился, когда в полукилометре от позиции интербригады стали видны цепи мерно шагавших спешившихся кавалеристов в арабских бурнусах. На флангах интербригады застроили пулемёты, но цепи атакующих не залегли, а продолжали двигаться вперед.

– Приготовиться к контратаке, – отдал команду Мальцев.

Волохов видел, как зашевелились в траншеях бойцы. Кто-то торопливо засовывал за пояс гранаты, кто-то пристегивал к винтовкам штык. Артиллерийский и пулеметный огонь стал более частым. А цепи атакующих продвигались все ближе и ближе.

– В атаку, вперед! – закричал Мальцев, взмахивая револьвером и вставая на высеченную в каменистом окопе ступеньку. Никто не двинулся вслед за ним. Мальцев упал за бруствер. Над ним пропел целый рой пуль.

– В атаку, мать вашу! – заорал Мальцев, осыпая солдат отборным русским матом. Никто не поднимался. Огонь со стороны марокканцев усиливался. Интербригадовцы все сильнее вжимались в окоп. Ревели моторы итальянских танкеток – франкисты приближались.

«Ну, какая, в конце концов, разница – умереть через тридцать лет в своей кровати или вот сейчас, в следующий миг, в этом окопе. Все равно, смерть есть смерть. Может, лучше принять её внезапно, в расцвете сил, а не потом, когда жизнь добьет тело хворью, немощью, и старость схватит за горло», – лихорадочно думал Волохов, стискивая в пальцах горячий песок.

Он старался думать, логически рассуждать, но тело дрожало, и живот стискивался судорогой, тошнило.

«Я боюсь, я хочу еще пожить, чтобы дышать воздухом, есть, спать, любить», – Волохов ненавидел, презирал себя.

Но ничего не мог с собой поделать. Он знал совершенно точно – как только в поле зрения появится первый марокканец, мгновенно прекратятся мерзкая дрожь, спазмы, и в конец перепуганное тело подчинится силе разума и воли: вперед, в драку, на смерть! Волна крови прильет к голове, сердце застучит быстрее. И вместе со всеми он сорвется с бруствера на врага, чтобы крушить, рубить, стрелять. Рвать зубами.

Но подняться сейчас? Нет, он не мог, не было сил.

Боковым зрением Волохов увидел, как Мальцев протянул бинокль командиру взвода, совсем еще юнцу. С пушком на губе вместо усов. Вдруг он по-юношески стремительно выскочил на песчаный приступок окопа, поднялся в полный рост над бруствером. Он стоял над окопом. Пули свистели вокруг него. У ног кипели фонтанчики каменной пыли. Но Мальцев (товарищ Падре) махал рукой, в которой был зажат запыленный ТТ, звал людей в бой.

Стрельба, которую противник вёл из окопов у дальней гряды, заметно ослабела. Очевидно, фалангисты опешили от такой наглости.

– Зачем? Убьют? – Из глубины окопа закричал Волохов товарищу Падре.

Изумленные интербригадовцы замерли в стрелковых ячейках. С биноклем в руках застыл возле амбразуры озадаченный парнишка-взводный – вытер пот мятой пилоткой с болтавшейся на ней красно-черной кистью.

– Что смотришь? Иду. И ничего... – весело крикнул Мальцев вниз Волохову.

Мальцев дошел до края обрамлявшего окопчик бруствера, спрыгнул вниз, крикнул оставшемуся стоять с биноклем в руках взводному.

– На испуг берут, понятно? Без прицела бьют!

– Карамба! – вскрикнул рядом с Волоховым чернобородый Ромеро. Он выхватил у орбевшего бойца винтовку со сверкавшим длинным штыком и бросился вперед.

Трое бойцов-анархистов рванули за своим командиром, не обращая внимания на пули и осколки. За Ромеро побежал Мальцев.

За Мальцевым с револьвером устремился Волохов. В полусотне шагов от него грянул взрыв. Пётр Николаевич застыл на месте. Открыв глаза, он видел, как покосился ствол одинокой оливы. В воздухе плавали легкие соломинки, опускаясь по спирали. С самой верхней ветки дерева свешивались какие-то иссиня-розовые нити, бордовые капли медленно стекали с них. Снарядом накрыло пулеметчика.

Они благополучно возвратились в Барселону через два дня. Интербригада товарища Падре отбила пять атак фалангистов и была отведена в резерв.

Журналисты получили массу впечатлений. Старичок-бельгиец исписал целый блокнот путевыми заметками и заверял бойцов, что в Брюсселе он непременно напишет антифашистскую пьесу.

Андре Ромеро демонстрировал всем, кто попадался на его пути, оторванную осколком снаряда в контратаке полу его затасканного плаща. Он хвалил самодельные гранаты ополченцев. Ругал тех, кто запустил в армию дурацкую шутку: мол, у республиканцев самые справедливые гранаты – убивают точно поровну и своих, и врагов.

В первый же вечер после возвращения с позиций в Барселону Андре Ромеро закатил грандиозный скандал в баре отеля «Тэйлор», перебил несколько тарелок и здорово напугал самодельной бомбой метрдотеля.

Во второй вечер, когда итальянские крейсера покинули рейд и Барселону больше не обстреливали с моря, Ромеро пригласил Катрин, Мигеля, Волохова пройтись по Рамблас, чтобы отведать в одном замечательном кабачке кальвадоса. По его сведениям, пару бочек отличного напитка недавно поставили марсельские контрабандисты.

Ромеро не обманул. Кальвадос, действительно, оказался весьма неплохим. Катрин пила – много и неосмотрительно. А ещё больше шутила.

Мигель выложил на столик кабачка свой переведенный на испанский и напечатанный в Москве очерк о Ромеро. Он горячо рассказывал о своей встрече и беседе с самим Сталиным.

По его словам, Вождь покуривал трубку и живо интересовался событиями на Пиренеях. А ещё он якобы спросил Мигеля о том, всегда ли с ним его револьвер. Мигель признался, такой вопрос вождя заставил его врасплох. Он не знал что ответить, ведь револьвер ему пришлось сдать на посту охраны перед входом в приемную Сталина. На этих словах Ромеро перевернул свой стакан, сказал:

– Что ваш Сталин, что недоумок Франко. Что Гитлер. Все одна шайка, готовая перебить хребет свободе. Эти мерзавцы едят человеческие мозги и пьют кровь.

Ромеро с нескрываемым удовольствием посмотрел на Катрин и Мигеля, наблюдая за тем, как побледнели их загорелые лица. Мигель хотел что-то возразить. Но Ромеро сунул в уцелевший карман плаща очерк о себе самом, подаренный ему Мигелем, хлопнул ладонью журнала по плечу и предложил друзьям наведаться к старику Панчо в комнатку за стойкой. С хитрым кабатчиком можно было договориться насчет контрабандного курева. Панчо исподтишка приторговывал настоящим трубочным турецким табаком.

– Зачем он бросился под пули? – Спросила Катрин Волохова, глядя вслед уходившим Ромеро и Мигелю. – Он мог остаться в окопе. Это было опасно. И так глупо.

Пётр Николаевич вспомнил о своем животном страхе, испытанном под обстрелом, и густо покраснел.

– Тебе было страшно, Катрин?

– А как ты думаешь, Пьер? – умело подведенные черной тушью глаза Катрин иронично прищурились.

Волохов спохватился: кажется, вырвалась совершенная глупость. Но что было сказать, кроме этой непростительной фразы? Он не знал. Просто надо было что-то говорить. Только не молчать в эти минуты, пока не вернулись Ромеро с Мигелем.

Он боялся, что она будет говорить о бое, об интербригаде, о марокканцах, о Ромеро и товарище Падре. Волохов боялся, что Катрин заметила его мимолетную трусость, ужас, который он испытал под огнем. В той тошнотворной слабости, в трусости, так казалось Волохову, его могли заподозрить его все. Он не признался бы Катрин в том, что думалось ему в окопе перед надвигавшимся валом фалангистов. Он не хотел выглядеть перед ней слабым. Быть объектом ее презрения.

– Такие, как Ромеро, придумали аутодафе, – сказал Волохов. – Несмотря на все их эффектные трюки.

– Ты завидуешь ему, – жёстко заметила Катрин. Она щелкнула сумочкой и сокрушенно прибавила, растерянно осматриваясь вокруг, – Жаль, больше нет папирос.

Ромеро и Мигель вернулись с пустыми руками. Панчо отказался продать табаку, слезно жалуясь на притеснения со стороны полиции. Он посоветовал им обратиться в квартал Баррио Чинно. На это Ромеро, поблагодарив почтенного проходимца, резонно заметил: «Лучше отправиться снова в атаку на марокканцев, чем вечером сунуться в грязное местечко».

Снова оказавшись на бульваре Рамблас, Катрин заставила всю компанию, не обращая внимания на отчаянные протесты Мигеля, битый час простоять в толпе, глазевшей на разрисованный масляными красками и тронутый дешевой позолотой ящик.

Под небом ядовито-синим кобальтовым небом, среди зелёных фанерных деревьев прыгали, изворачивались, вертели руками и головами горбоносые марионетки. Тонкие черные нити тянулись к кукольным рукам и ногам откуда-то сверху.

Ромеро засмеялся, прихлебнув из прихваченной в кабаке бутылки.

– Клянусь тысячей угодников, компаньерос! – закричал он, – Первыми анархистами на земле были куклы!

– С чего ты взял, дружище? – сказал Мигель.

– Смотри, как они пытаются прорваться к свободе. Рвут нитки, а ничего не выходит. И знаешь – почему?

Мигель нахмурился. Волохов видел, как туго сжались его кулаки. Ромеро приблизил к Мигелю своё красное, бородатое лицо и повторил вопрос – от него несло чесноком и яблочной водкой.

– Знаешь почему? Нет? Да потому что нитки порвать невозможно. Они слишком крепки. Их сплели умелые руки. Тех, кто там, за коробкой, наверху.

Волохову показалось, что Мигель сейчас ударит Ромеро. С такой ненавистью тот глянул на анархиста. Андре хохотал и захлебывался кальвадосом. Волохов подумал, что неплохо было бы вырвать у него сейчас бутылку.

Захохотала и Катрин. Актрисой она была никудышной. Смех её, фальшивый и принужденный, остановил Ромеро.

– Андре, не угостите ли даму папироской?

Андре хлопнул по карману плаща, испуганно вытаращил глаза.

– Карамба! Ничего! Курево всё вышло. Прости!

Ромеро развел руками и неожиданно подскочил к фанерному ящику. Кукловод неловко повернулся. Горбоносая марионетка в цветастом халате запуталась в собственных веревочках. Ромеро помог улыбчивому кукловоду освободить куклу.

– Так все-таки будет лучше, – церемонно поклонился Ромеро актеру и снял перед ним берет.

Глава шестая

Катрин

Выяснить до конца отношения с Катрин Волохову помешал путч, который в конце мая подняли анархисты в Барселоне.

На улицах выросли баррикады. Брусчатка у собора Гауди была вся выломана и уложена на брустверы в ближайших переулках. Анархисты захватили кавалерийские казармы и распугали толстых, похожих на котов, крыс, которые кормились отбросами солдатских кухонь.

Дерзкие и шумные бойцы с красно-чёрными повязками на рукавах пытались устанавливать свои порядки два дня. На третий день регулярная армия Испанской республики с боями пробилась сквозь баррикады к центру города.

С фронта сняли несколько интербригад, в том числе и бригаду товарища Падре. Войска подавили мятеж.

Затем зачинщиками путча занялась Сегуридад, служба безопасности республиканского правительства Ларго Кабальеро.

Пётр Николаевич не видел Катрин все эти три дня, когда Барселону было не узнать. Опустели улицы. Ветер нес к морю черные полосы, пахло гарью. На бульварах больше не продавали цветов. В кабачках не пели. Куда-то пропали шарманщики со своими скрипучими шарманками. И добыть порцию паэлья стало большой проблемой.

Зато много на улицах много и часто стреляли. Пальба слышалась в разных районах города. Барселона сражалась.

Волохов искал Катрин все эти дни, в которые бурлила ненавистью и кровью Барселона. Но так и не нашел.

А Катрин была где-то в предместьях на баррикадах. Волохов случайно узнал об этом от Мигеля, видевшего её у кавалерийских казарм, откуда выходил под красно-чёрными знаменами на позиции к Бадалоне отряд анархистов Андре Ромеро.

«Что может быть логичнее, – иронично думал тогда Пётр Николаевич. – Пробитое пулями знамя. И девушка рядом с несгибаемым борцом против тирании».

Волохов видел нечто подобное в парижском музее – картину Делакруа «Свобода на баррикадах». Сплошная поэзия для взбалмошной дамочки, вздумавшей обожествить своего кумира.

«Зачем я так? – оборвал себя Волохов. – Это просто боль. Или зависть. Или то и другое вместе. И потом, что дурного в желании погибнуть за правое дело? Абсолютно ничего, конечно. Только этот вопрос не снимет главного. И боли не убавит».

Пётр Николаевич увидел Катрин на шестой день после путча, поздно вечером. Она ворвалась в его номер и прямо с порога заявила о том, что сидеть сложа руки преступно.

Она кричала о том, что они расстреляют его, как уже расстреляли на кладбище Санта-Роха многих арестованных.

– Кого расстреляют? За что? – спросил Волохов Катрин.

В её глазах была пустота. Вопрос Волохова, казалось, потряс её. Она даже не поняла, о чем её спрашивали.

– Кто? Андре Ромеро, – сказала Катрин, – Надо спешить. Иначе мы не успеем...

– Что?

– Спасти его, черт побери!

И Катрин стала говорить сбивчиво, бессвязно, взволнованно – Волохов никогда не видел её такой. По её словам, после разгрома анархистов Ромеро не удалось вырваться из города. Мигелю удалось укрыть его в квартале Баррио Чино на конспиративной квартире. Но по следу

Ромеро уже шли сыщики республиканской полиции. И они могли арестовать Андре с часу на час.

– Хорошо, хорошо, Катрин, успокойся, – сказал Волохов, – Они не найдут его.

– Правда?

– Да, обещаю.

Катрин с надеждой и мольбой смотрела на него, как на мессию. Как на человека, подавшего ей флягу с водой в безводной пустыне. Из-за этого молящего и униженного взгляда Волохов не смог отказать Катрин.

Конечно, он мог просто умыть руки и остаться в номере. Ничего не предпринимать. Сыщики республиканской полиции покончили бы с Ромеро. Но смерть неистового анархиста ему лично была не нужна, несмотря на ревность, которую испытывал Волохов к бородачу-каталонцу. К тому же, сказал себе Волохов, этот анархист может ещё пригодиться в деле, если поставить его под свой контроль и навязать выгодные для работы на Москву правила игры.

Потому Волохов и заставил себя помочь Катрин. Успокоив Катрин, он отправился к своему знакомому – начальнику местного отделения Сегуридад Энрике Хименесу.

В служебном кабинете старины Энрике не оказалось. Волохову удалось разыскать его к вечеру в уютном домишке под черепичной крышей, который прятался среди олив.

Смеркалось. Несмотря на поздний час, Хименес сидел за тарелкой украинского борща. Онпил русскую водку и закусывал бутербродом с красной икрой.

Подобных гастрономических пристрастий вряд ли можно было ожидать в доме мрачного астурийца, гордившегося своим пролетарским происхождением. Но Волохова это ничуть не удивило.

Хименес в конце двадцатых работал в Москве, в Коминтерне. Был женат на своей секретарше, которая родилась на Брянщине. Волохов вышел на него по оперативной разработке. Нужны были кадры для работы на Пиренеях. Волохов тщательно изучал все досье испанских коминтерновцев, готовясь к работе в Каталонии.

Отказавшись от угощения Хименеса, Волохов сразу заговорил об аресте Ромеро. Он заметил, что эта тема только испортила аппетит астурийца.

Хименес вытер толстые губы расшитым красными петухами рушником и отправился в соседнюю комнату за портфелем, в котором он приносил домой некоторые бумаги. Донесения и списки арестованных Хименес разбирал по ночам, вне суতোлки своих служебных апартаментов, вечно переполненных озабоченными контрразведчиками.

Испанец положил перед Волоховым машинописный лист, заполненный текстом до половины.

– Читайте, – сказал Хименес.

Того, что было напечатано в двух абзацах, оказалось более чем достаточно для того, чтобы Петр Николаевич внимательно и серьезно посмотрел в широкое лицо Хименеса, сразу переставшего дожевывать веточку петрушки.

– Глупая провокация. Вы с ума сошли. Если все это затеяли именно вы, – быстро и холодно заговорил, смотря в глаза Хименесу, Волохов.

– Мы ничего не придумали, компаньеро. Зачем? Он нам не нужен. Но у нас есть неприятный факт. Шпионаж в пользу Франко. Агент выявлен. Все улики. Что с ними делать? Ничего? О, не получится! Меня самого поставят к стенке ребята из Мадрида. Барселона – очень маленький город.

Волохов ещё раз перечитал то, что было написано в поданной Хименесом бумаге: «Ваш приказ о внедрении наших людей в ряды анархистов и троцкистов исполняется с успехом. Выполняя ваш приказ, я встретился в кавалерийских казармах Барселоны с господином Н. – руководящим членом организации анархо-синдикалистов. Я ему сообщил все ваши указания.

Он обещал мне послать в Барселону новых людей, чтобы активизировать работу. Благодаря этим мерам организация анархистов станет в Барселоне реальной опорой нашего движения. Пастух».

Волохов понял: люди из Сегуридад действительно могли расшифровать текст, написанный шифром, который использовали для секретных документов франкисты. Код был получен агентурой Орлова от верного человека, внедренного в генеральный штаб Франко, и только неделю назад передан для работы Сегуридад.

– Это подлинный текст, он не успел отослать его франкистам. Мы перекрыли после путча все дороги, – сказал Хименес. – Я сам обнаружил шифровку в его бумагах. Он написал ее специальными чернилами...

– Симпатическими, – задумчиво уточнил Волохов.

– Да-да, компаньерос, этими самыми. В брошюрке между строк.

– В какой брошюрке?

– В тонкой, в бумажном переплете. Там было написано про него самого. Какой-то журналист написал из Москвы. Хорошо написал. Как про героя. Я даже зачитался. Плохо, когда враг слишком смел.

«Смелости ему не занимать. Интересно, как он поведет себя на расстреле», – про себя ядовито подумал Волохов, возвращая документ Хименесу.

Шифровка была слишком серьезной уликой. Она ставила черный крест на жизни Андре Ромеро. Сейчас его смерть стала бы для Волохова обстоятельством, усложняющим работу.

Излишней была бы гибель Ромеро и для Орлова. Французские газеты и так подняли вой из-за разведывательных операций советской разведки в Испании. Буржуазная пресса переполнена измышлениями о том, что якобы НКВД вольно ведет себя на Пиренеях. Как дома, в СССР.

Те же репрессии, убийства, провокации. Испания – полигон для экспорта красной заразы в Европу. Так писали газеты во Франции и в Германии, в Англии и Португалии, в США. Гибель Ромеро, добровольно отдавшего золото, станет еще одной темой для истерии в прессе – лишнее пятно на сотрудников Орлова. «Центр не одобрит такую топорную работу», – подумал Волохов.

За годы работы в органах НКВД Петр Николаевич привык равнодушно, без эмоций, как к простой необходимости, относиться к потере людей, к их гибели. Это было следствием борьбы, тайной, никогда не прекращавшейся войны. Без потерь не выигрывают сражений.

Но Петр Николаевич не любил, когда люди выбывали из боя вот так неожиданно, непредсказуемо. С Ромеро он связывал некоторые расчеты для дальнейшей работы, ведь, судя по результатам Мигеля в последней операции, Ромеро охотно шел на контакт. Планы Волохова могли рухнуть в одночасье с арестом анархиста. И, наконец, это обстоятельство Волохов тоже не желал сбрасывать со счета: Катрин.

– Хорошо, – сказал Петр Николаевич. – Допустим, Ромеро – враг. Проблема закрыта. Но вы не можете ограничиться только одной уликой. Пусть даже и такой весомой. Надо провести расследование.

– Мы проведем. Обязательно. Напрасно погорячились ребята. За этим Ромеро следовало бы понаблюдать. У него широкие связи.

– Несомненно. Возможно, для пользы дела было бы неплохо выпустить его из-под ареста.

– Нет, поздно. Франкисты тоже не дураки. «Пятая колонна» не поверит ему. Теперь. Придется передавать бедолагу в Мадрид. Там знают, что делать с такими, как он. Мы повезем его завтра на рассвете. Хотите сопровождать, компаньеро?

– Пожалуй, да. Не хотелось бы, Энрике, чтобы твои ребята по пути в Мадрид нарубили дров с этим парнем. Я пойду с ними. Но не на рассвете. Через два часа. В ночь.

– В ночь? В горы? Глупо! Тропы узкие, легко сбиться с маршрута. Что, если небо закроют облака и выйти к стоянке грузовика не получится? И потом... Франкисты. Горцы любят кара-

улить наших на тропах. По ночам случаются перестрелки. Засада – штука неприятная. Что скажешь?

– Мне наплевать, Энрике, на твои горы, – астуриец, возомнивший себя рыцарем плаща и шпаги, начинал все больше раздражать Волохова, – Я сказал, что мы пойдем ночью. Сегодня. Через два часа. И мне наплевать на твой маршрут. Мы дойдем до грузовика. Как? Не твоя забота. Поведу группу я. Лично.

– Ладно. Если ты так хочешь, компаньеро, – развел руками Энрике Хименес. По большому счету его не слишком заботила судьба анархиста. Хименес вновь принялся за остывающий борщ, махнул рукой и пробубнил с набитым до отказа ртом.

– Веди его куда хочешь. Я сообщу в Мадрид, что это была твоя идея, компаньеро!

– Валяй, – резко бросил, уходя из дома Хименеса, Волохов.

– Нет, эти русские слишком горячий народ, – проворчал Хименес, вгрызаясь в сахарную косточку.

Над горной грядой в окрестностях Барселоны в черном небе сверкали яркие и холодные звезды.

Они шли по козьей тропе – пять мужчин в пилотках с болтавшимися на ветру кистями, пять компаньерос, увешанных оружием, флягами с водой, рюкзаками с притороченными к ним скатками армейских плащ-палаток.

Петр Волохов шел в этой колонне замыкающим. Это место в строю, он занял после короткого разговора с Мигелем, обливавшегося потом, то ли от быстрой ходьбы по скалистым откосам, то ли от нервного напряжения. Группа должна была выйти к серпантину на другую сторону долины, которая простиралась за отрогом гряды. Двигались по компасу, с трудом выбирая правильное направление на тропинках, прорезавших плато густой сетью.

Перед коренастым, сильным, крепко сбитым, но близоруким, в круглых очках-рондо Мигелем, сжимавшим карабин маленькими ладонями, вышагивал компаньеро Ромеро. Он шёл молча, изредка оборачивался. Поглядывал куда-то назад, словно ожидал, что в той стороне, куда он смотрел, покажутся еще какие-то люди.

Оглядывался в ту сторону и Мигель, но он ничего не замечал. За их небольшой, но выдерживавшей довольно быстрый темп ходьбы группой никто не следовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.